

Семен
ХОДОРОВ

16+

РУССКИЙ АКЦЕНТ

ХРОНОЛОГИЯ БЫТИЯ
РУССКОГО ИЗРАИЛЬЯНИНА

Самуил Ходоров

Русский акцент

«Инфра-Инженерия»

2017

УДК 82(1-87)
ББК 83.3

Ходоров С. Н.

Русский акцент / С. Н. Ходоров — «Инфра-Инженерия», 2017

ISBN 978-5-9729-0168-5

Роман охватывает четвертьвековой (1990-2015) формат бытия репатрианта из России на святой обетованной земле и прослеживает тернистый путь его интеграции в израильское общество.

УДК 82(1-87)

ББК 83.3

ISBN 978-5-9729-0168-5

© Ходоров С. Н., 2017
© Инфра-Инженерия, 2017

Содержание

Глава 1. Поехали!!!	6
Глава 2. Разбитое корыто	11
Глава 3. Хождение по работодателям	16
Глава 4. Стрелецкая водка	21
Глава 5. Судный день	26
Глава 6. Работа не волк	31
Глава 7. Уезжают русские евреи	42
Глава 8. Трудовое повседневье	46
Глава 9. Курсы геодезистов	51
Глава 10. Автопробег в Эйлат	56
Глава 11. Вадим и Вера	59
Глава 12. Институт геодезии	64
Глава 13. Ещё два интервью на работу	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

С. Н. Ходоров

Русский акцент

© Ходоров С.Н., 2017

© Издательство «Инфра-Инженерия», 2017

* * *

*Дорога в Израиль идёт через поиски Бога,
По братским могилам погибших в неравном бою,
На свете одна существует такая дорога,
И всё-таки каждый туда выбирает свою.*

(Александр Городницкий)

*Ах, как бы нам за наши шутки
Платить по счёту не пришлось.
Еврей! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!*

(Игорь Губерман)

*Согнувшись в виде запятой,
Гонимые судьбой треклятой,
Мы все ходили под пятой
И под графой ходили пятой.
Покинув тело, гордо рея,
Возносится душа еврея.
Не грех счастливой быть и гордой,
Навек простясь с жидовской мордой.*

(Юрий Солодкин)

Глава 1. Поехали!!!

Борис стоял у раскрытого окна и нервно курил. Сквозь сизые кольца сигаретного дыма, рассекающие розоватые блики восходящего солнца, он задумчиво глядел на пепельный фрагмент пустыни Негев. Каменистые холмики пустыни виднелись не где-то за дальним горизонтом, а начинались прямо у четырёхэтажного дома, стоящего на южной окраине Беер-Шевы. В полусотне метров от подъезда горделиво высился облезший верблюд, привязанный к пальме длинной верёвкой. Весь этот тускло-серый ландшафт резко контрастировал с ракурсом, открывающимся из окна огромной трёхкомнатной московской квартиры Бориса. Он родился и вырос в одном из старинных зданий на Арбате, чуть позже воспетым Булатом Окуджавой. Собственно там он и прожил 42 года, вероятно, большую и, наверняка, лучшую часть своей жизни. Ещё неделю назад он, как и сегодня, стоял у окна и курил свои любимые московские сигареты «Ява» за 40 копеек пачка. Только тогда из окна, в противовес сегодняшнему, открывалась не столь величавая, как пишут в туристских путеводителях, сколь будничная и ежедневно привычная для Бориса, панорама столичного Кремля и увенчанный православным крестом купол Храма Воскресения Словущего. Узорчатый крест на шпиле церкви прославлял Христа Спасителя. Для обывателя, в отличие от Бориса, древний Кремль являлся неизменным атрибутом гипотетической сердцевины СССР, а религиозная обитель – символом русского православия. Так уж получилось, что сегодня волею судьбы Борис оказался в Израиле, на родине того самого Христа, который символизировал купол старой церкви на Арбате. Символическим являлся также и факт, что Храм Воскресения после войны с французами в 1812 году был дарован Иерусалимскому патриарху, а сама церковь получила название Иерусалимского подворья. Парадокс заключался в том, что буквально через несколько дней Борис побывает на Русском подворье в Иерусалиме. Теперь же предстояло узнать, сможет ли выполнить уже почти не иллюзорный Христос, возложенные на него функции Спасителя, на святой и обетованной земле, на которой Борис, если быть точным, оказался не совсем уж по воле случая или судьбы.

Говорят, что случайность есть не что иное, как глубоко скрытая закономерность. Похоже, совсем не случайно наступил 1990 год, который, набирая свои лихие обороты, докатился до светлого ландышевого мая. Именно в этот год руководство СССР и КПСС в последний раз приветствовало с трибуны Мавзолея первомайскую демонстрацию. Впервые за многие годы парад неожиданно превратился в митинг протеста, зазвучали антикоммунистические лозунги, появились самодельные плакаты с требованиями отставки советского правительства и Президента СССР М.С.Горбачёва. В этот день светлое майское утро, вопреки заезженному социалистическому шлягеру, «красило стены древнего Кремля» совсем не нежным цветом. В его оттенках чудились суровые тёмные тона необузданной и неизвестно куда ведущей реалии. Объявленная несколько лет назад М.С.Горбачёвым гласность и перестройка с недозволенной скоростью неслись в никем не обозначенный тупик. Борис понуро наблюдал из окна за кумачовой окраской нестройно движущейся демонстрации с надоевшими транспарантными клише: «Солидарность, Мир, Труд, Весна, Май».

Вообще-то он любил этот светлый майский праздник, с детских лет любил, сидя на крутых отцовских плечах, вслушиваться в торжественные звуки духового оркестра и в слова ликующего народного пения «Кипучая, могучая, никем непобедимая, страна моя, Москва моя, ты самая любимая». Только сегодня на глазах Бориса кипучая, могучая и любимая страна рассыпалась в клочья, которые никто не собирался воссоединять. Именно в эти минуты у него в висках явственно прозвучал какой-то неведомый колокольчик, возвещающий, как в песне Юрия Кукина, вопрос: «Что же, что же не так, не так, что же не удалось?». А в это время захлебнувшийся от майского торжества хмельной и гуляющий народ продолжал привычно напевать, по-прежнему не утруждая себя задуматься над смыслом забытой песни Лебедева-Кумача: «Бьют

часы кремлёвской башни, гаснут звёзды, тает тень, до свидания, день вчерашний, здравствуй новый светлый день!». Борис почему-то задумался и, не без основания, решив про себя, что, если вчерашний день не завершился ничем существенным, то и новый день вряд ли сулит в текущий момент какие-то эпохальные изменения к лучшему. Скорее даже совсем наоборот, именно текущий момент навевал совсем безрадостные мысли о бесперспективности мрачного будущего. В противовес думам Бориса, проходящие мимо Мавзолея праздничные колонны подвыпивших москвичей неуверенно громко кричали «Ура-а-а!». И тут его пронзило, как будто током ударило, внутренний голос как будто спрашивал Бориса:

– А что, собственно, Вы тут делаете, Борис Абрамович, на чужом празднике жизни? Да и Ваш ли это праздник? Да и жизнь ли это вообще?

Гнетущие мысли Бориса прервали звонкие голоса его дочерей, семиклассницы Светланы и первоклассницы Наташи, они в унисон, перебивая друг друга, верещали:

– Папочка, мама зовёт пить кофе, она приготовила в честь праздника твои любимые эклеры, а для нас – мороженое.

Борис в знак одобрения согласно кивнул головой, а всё тот же внутренний голос продолжал нашёптывать ему:

– А что, дорогой Борис Абрамович, ожидает твоих ненаглядных дочерей в стране, где они появились на свет?

Борис, увидев в открытое окно шатающегося мужика с початой бутылкой чернильного портвейна с жёлтой этикеткой, на которой красовались рельефно выделенные три семёрки, подумал про себя:

– А что, чёрт побери, их может ожидать, кроме как разброда и шатания, всепоглощающей неуверенности и чувственного смятения, душевной неопределённости и внутренней необустроенности.

Из настёжь открытого окна дома напротив, как будто по заказу, из затёртой магнитофонной ленты доносился хриплый голос Александра Кальянова, который пел:

*За кордон, за кордон, далеко за кордон,
Где ни бурь, ни зимы не бывает,
Далеко за кордон с перебитым крылом
Улетает, мой друг, улетает.*

В голове Бориса какие-то невидимые молоточки продолжали выстукивать мелодию этой песни, рефреном вбивая в его мозговые извилины слово «за кордон». Пока он дошёл до кухонного стола, на котором красовались нежные заварные эклеры и маленькие чашечки с дымящимся кофе, это слово навязчиво трансформировалось в слово эмиграция. Борис, обжигаясь горячим кофе, смотрел на своих дочерей и, переведя взгляд на жену, неожиданно для себя потребовал:

– Танюша, неси быстрее рюмки и коньяк. Сегодня какой-никакой, хоть и с пролетарским оттенком, но всё-таки праздник.

Когда девочки удалились в свою комнату, Борис налил себе в рюмку живительную армянскую влагу под названием «Арарат», привезенную из командировки в Ереван, и залпом осушил её. Затем закурив сигарету, он дрожащим голосом проговорил:

– Послушай, Таня! Буквально несколько минут назад в моих ещё трезвых мозгах щёлкнул какой-то выключатель, который развернул моё мировоззрение на сто восемьдесят градусов.

– Что ещё за выключатель ты придумал, Боря? – проворковала Таня, убирая пузатую бутылку «Арарата» от греха подальше на другой край стола.

Борис привстал, потянувшись к убранный от него бутылке, налил себе ещё одну рюмку и буквально влил её в себя, совсем не наслаждаясь, как это бывало прежде, вкусовым букетом выдержанного коньяка. Он посмотрел немигающим взглядом на жену и отрывисто отчеканил:

– Понимаешь, Танюша, только сегодня до меня дошло, что наша страна на недозволенной скорости въехала на рельсы каких-то хаотических и необратимых процессов. Куда ведут эти рельсы даже богу вряд ли известно. Скорее всего, они протянулись к какой-то тупиковой станции.

– Боря, немедленно прекрати пить свой коньяк, – перебила его жена, – что за высокопарный бред ты несёшь в праздничный день? Что ещё за рельсы ты придумал? О какой такой станции ты говоришь?

Борис, не обращая ни малейшего внимания на реплику жены, неистово продолжал:

– Я не хочу мчаться к этой станции. Не остаётся нам, Танюша, ничего другого, как на полном ходу спрыгнуть с этого быстро несущегося поезда.

– Боренька, дорогой, ты часом не заболел, – забеспокоилась Татьяна, – может всё-таки ты переведёшь свои аллегории и иносказания на простой человеческий язык.

Борис снова потянулся к рюмке, которую Татьяна предусмотрительно отодвинула на недосягаемое для него расстояние, то же самое она проделала с открытой пачкой сигарет. Тогда он, резко привстав из-за стола, порывисто выкрикнул:

– Всё, дорогая Танечка, мы уезжаем, мы эмигрируем в нормальную страну, называемую Израиль. И никаких запятых. Сегодня я ставлю жирную точку, разумеется, с твоего искреннего согласия.

Борис рассеянно смотрел на свою жену. От его блуждающего взгляда не ускользнуло, как судорожно вздрогнули её плечи, как сквозь выступающие слёзы в её зелёноватых глазах выразилось полное недоумение и беспросветная растерянность. Нервно постукивая нежными пальчиками по жёлто-красным яблокам, изображёнными на натюрмортной клеёнчатой скатерти, она чуть слышно выдавила из себя:

– Во-первых, в Израиль не эмигрируют, а репатрируются, точнее, туда евреи возвращаются на историческую родину. На иврите этот процесс называется коротким словом «алия».

– Откуда такие энциклопедические познания, – удивился Борис, перебивая жену.

– А во-вторых, Боренька – продолжила Татьяна, – я не верю своим ушам. Ты ли это? Ты разве не помнишь, какой скандал ты мне закатил при знакомстве с тобой, когда я только заикнулась о переезде в Израиль?

– Так это было лет пятнадцать назад, – вспыхнул Борис, – время было другое, да и момент инакомыслия тогда ещё не наступил.

– Ишь, как заговорил сейчас, – повысила голос Таня, – всю жизнь свою свято верил в учение Маркса и Ленина, считая его всесильным и верным. Да и искренней любви к советской родине у тебя было, наверное, больше, чем у всех членов Политбюро ЦК КПСС вместе взятых. Что случилось, Боря? Может, сходишь на приём к психиатру?

– К чёрту психиатров и психоаналитиков, – замахал руками Боря, – я здоров, как никогда. Просто, Танечка, изменились жизненные коллизии. Изменилась объективная реальность. Я, действительно, никогда не был антисоветчиком и диссидентом, я всегда считал, что не существует общества идеальнее, чем коммунизм. По правде говоря, я и сейчас так думаю. Только сегодня я понял, что построить такое общество невозможно.

– И что из этого следует? – спросила Таня, импульсивно наливая в рюмки оставшийся коньяк.

– Танюша, дорогая, снова повторяю тебе, что этот безумный мир изменился. Давай, пока мы ещё относительно молоды, попробуем начать жизнь с чистого листа.

– Борис, ты хоть себя слышишь? О каком таком чистом листе ты говоришь? Ведь у нас здесь есть всё: прекрасная квартира в центре Москвы, твой высокий социальный статус

и очень-очень приличная зарплата. Ты многого добился, благодаря своим профессиональным знаниям, неуёмной энергии и бешеной настойчивости. Что же ты ещё хочешь?

– Танюша, я вижу, ты не понимаешь, это, как ты называешь, всё, что у нас есть, рухнет в одно мгновение. Уже рухнуло. Ты просто в силу своей природной близорукости пока этого не замечаешь. Что я ещё хочу? Да, пожалуй, только одного: чтобы ты и я, чтобы наши замечательные девочки без оглядки чувствовали себя свободными гражданами свободной страны.

– Боренька, милый, я понимаю, что ты способный человек. Но, как ни странно, этих самых способностей к иностранным языкам, даже вооружённым, взглядом, у тебя не просматриваются. А иврит, насколько я понимаю, совсем не простой язык. Найти работу без знания языка просто нереально. Как и с чего мы будем начинать и в соответствии с этим, на что будем жить?

– Будем, дорогая, учиться осваивать новую профессию, профессию эмигранта или, как ты говоришь, репатрианта. Точно так же, как я учился быть астрономогеодезистом, работая в экспедициях в тундре и в тайге, в горах и в степях; учился писать диссертацию и быть учёным, учился руководить, мною же созданной, большой инженерной фирмой.

– Боря, я страшно боюсь, я боюсь изнуряющей израильской жары, я боюсь змей в пустыне Негев, а ещё я боюсь арабских террористов и что мы с тобой пополним армию нищих и безработных.

– Танюша, родная моя, не забывай, что я рядом с тобой, а вместе мы не пропадём ни на какой географической широте и на долготе тоже. Ты мне только скажи одно слово – поехали. И тогда в самое ближайшее время мы пересечём границу нашей многострадальной страны и, минуя дугообразные параллели и меридианы, окажемся на своей обетованной исторической родине.

Татьяне ничего не оставалось, как встряхнуть свои длинные угольные волосы, тяжело вздохнуть и отрывисто, как Юрий Гагарин перед первым полётом в космос, вскрикнуть:

– Поехали!!!

С этого момента душевное состояние Бориса стало напоминать большой раскрытый чемодан, в который надлежало сбросить всё накопленное за четыре десятилетия его жизни. Собрать его было совсем непростым делом. Речь шла не о том, чтобы скинуть в кожаное вместительное фарфоровые сервизы, атласное постельное бельё, замысловатую кухонную утварь и книги, которые красовались разноцветными корешками в двух просторных шкафах. Прежде всего, надлежало надёжно спрятать прошлое в самые потайные уголки душевной сердцевинки. Под прошлым подразумевались картинки далёкого детства. Их нельзя было спрятать даже в самый огромный баул. Это ярко-красный грибок в песочнице детского сада в вытянутом переулке с красивым названием Сивцев Вражек. Это и незабвенные годы, проведенные в старинной, тускло-пепельного цвета, школе в Староконюшенном переулке, и блаженное время учёбы в столичном институте инженеров геодезии и картографии. Это также альпинистские восхождения в высокогорьях Кавказа, Памира и Тянь-Шаня. Следовало также утаить в этой сердцевине любимую работу инженера-геодезиста в голубой сибирской тайге Забайкалья и полярной тундре Чукотки, аспирантуру, защиту диссертации и преподавательскую деятельность в должности доцента кафедры космической геодезии. Ещё надлежало не забыть первые робкие и дрожащие поцелуи с рыжей длинноногой одноклассницей Люськой и, опять-таки первый, сумбурный будоражащий секс в палатке со скалолазкой Ниной в ущелье Безенги на Кавказе. А разве можно предать забвению неожиданное знакомство с Таней, их бурный и скоротечный роман, завершившийся закономерным скреплением подписей во Дворце бракосочетаний. Никак не может улетучиться из памяти и эпохальные моменты рождения дочерей Светочки и Наташеньки, которые стали любимыми неразрывными элементами его повседневно. Подсознание Бориса навязчиво твердило ему, что практически на все события, проходившие в прошлом, был наклеен гипотетический ярлык «впервые». Теперь, похоже, этот же экслибрис будет

приурочен к предстоящей эмиграции. Ведь перелёт за кордон, за пределы железного занавеса, за пределы СССР или, по образному выражению президента США Рональда Рейгана, «империи зла», Борис со своей семьёй совершит впервые.

Глава 2. Разбитое корыто

Бедуин в белой с красным орнаментом куфие отвязал верблюда и величаво прошёл мимо окна, возле которого стоял Борис. Верблюд медленно повернул голову к окну, внимательно посмотрел на него и, как показалось Борису, подмигнул ему своим большим треугольным глазом, словно пытаясь промолвить:

– Привет, дорогой, добро пожаловать в наши Палестины, будем жить дружно!

Борис отпрянул от окна, мысленно посылая длинношеего «корабля пустыни» в те самые отдалённые места, откуда он приплыл. Он хотел пройти на кухню и заварить себе утренний кофе, но споткнулся о чемодан, который ещё не успели распаковать. Его падение на, покрытый керамической плиткой, пол и вызванное этим протяжное ругательство разбудило Татьяну:

– Боря! Что случилось, – просыпаясь, забеспокоилась она.

– Случилось то, что вместо кисельных берегов обетованной земли, мы оказались в жаркой пустыне, – про себя подумал Борис.

Татьяне он озвучил первое, что пришло ему в голову:

– Да что-то не спится, дорогая. Да и надо идти очередь занимать в «мисрад клита» (министерство абсорбции).

Борис наспех выпил чашечку нехитро приготовленного кофе, который здесь называли странным словом «боц», переводимое как «грязь», что в принципе соответствовало действительности, так как в чашку засыпался натуральный кофе, который после залития его водой превращался в тёмное месиво. Пешеходная часть магистральной улицы столицы Негева Беер – Шевы, по которой Борис быстро продвигался к конторе, занимающейся новыми репатриантами, тоже была покрыта месивом, только не кофейным, а песчаным. Расхожее клише, что у природы нет плохой погоды, здесь явно не срабатывало. Сегодня в Израиле бушевало не очень приятное явление, называемое хамсином, что являло собой жаркий ветер с примесью пустынного песка, который дует с Африки. Сероватая мгла, разбавленная сорокаградусной жарой, буквально поглотила мыслительный тонус Бориса.

Тягостные думы о брэнности чуть ли не африканского бытия растворились в, удручающей самодостаточности Бориса, беседе с чиновницей министерства абсорбции. Немиловидная женщина с ярко выраженной семитской внешностью черновицкого пошиба без предисловий спросила его:

– И откуда же вы к нам прибыли, какое у вас образование и на какую работу вы претендуете?

Борис, вежливо улыбаясь, быстро пробарабанил:

– Я из Москвы, кандидат технических наук, инженер-астрономогеодезист, хотел бы работать по специальности.

Чиновница почему-то, как показалось Борису, издевательски улыбнулась, обнажив при этом золотистые коронки передних зубов, и не без пафоса в картавящем голосе радостно произнесла:

– Ну, вот понаезжали тут столичные профессора с докторскими степенями и думают, что я их обеспечу достойной работой.

– Во-первых, степень у меня не докторская, а кандидатская, – перебил её Боря, – а во-вторых, непонятно какую работу вы называете достойной.

Отворачивая голову к окну и не глядя на него, служительница ведомства, призванного помогать репатриантам, мрачно пробубнила:

– В Израиле, как и во всех несоциалистических странах, нет кандидатов в науку, поэтому вы автоматически становитесь доктором наук. С другой стороны, поскольку вы не знаете

иврита, могу вам предложить работу на стройке, уборщиком улиц или в качестве бонуса подобрать вам работу сторожем.

Это был удар ниже пояса. До этого разговора у Бориса не было ни малейшего сомнения, что он легко найдёт работу в соответствии со своей квалификацией. При выходе из здания все его сомнения в одно мгновение развеял пузатенький мужчина в интеллигентных роговых очках с огромной метлой в руках. Попросив у Бориса сигарету, он оценивающе взглянул на него и грустно промолвил:

– Сдаётся мне коллега, что и вы получили от ворот поворот.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

– Разрешите представиться, профессор Каценельсон, доктор физико-математических наук, бывший заведующий кафедрой высшей математики.

Перехватив удручающий взгляд Бориса, устремлённый на метлу, профессор подмигнул ему и неистово прошептал ему на ухо:

– Я, можно сказать, перековал мечи на орала, аппроксимировав эллиптические интегралы и трансцендентные функции в орудие по уборке улиц.

Борис и святым духом не ведал, что такая же судьба постигла и более именитых учёных из Советского Союза. Подметали улицы израильских городов доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР, создатель реактивных двигателей для истребителей МИГ Ефим Беккер и доктор технических наук, профессор, создатель двигателя для стратегического бомбардировщика Т-22 Абрам Франк. Мыли подъезды жилых домов крупные специалисты в области конструирования самолётных двигателей доктора технических наук, заслуженные изобретатели СССР Александр Равич и Геннадий Сверников. А вот доктор технических наук, специалист по газовым турбинам Рафаэль Приампольский, похоже, не смог устроиться даже дворником. Но, видимо, Всевышний на святой земле проникся такой симпатией к дворникам с учёными степенями, что усилиями ещё одного бывшего советского профессора Давида Лиора создал инженерную компанию, костяк которой составили эти учёные. При этой компании был создан небольшой заводик, на котором в скором времени были произведены новейшие двигатели для беспилотных самолётов. Аналогов этим двигателям по мощности, экономичности и массе просто не существует. Американцы предложили семь миллионов долларов за переезд этого заводика в США, но профессор Лиор отказался покидать обетованную землю. В ответ те же американцы намерены произвести крупные инвестиции в строительство завода, который будет выпускать в Израиле уникальные двигатели, созданные бывшими дворниками.

Уникальность ситуации здесь состояла и в том, что такое количество именитых учёных-евреев практически одной специальности успешно работали в научно исследовательских институтах СССР. С одной стороны, при наличии пресловутой «пятой графы», устроиться в престижное научное учреждение было совсем не просто. А с другой стороны ещё в 1950 году секретарю ЦК ВКП (б) Сулову М.А. была направлена служебная записка с заголовком «О подборе и расстановке кадров в Академии наук СССР». В ней сообщалось, что в отделе теоретической физики, руководимом академиком Ландау, все руководящие научные сотрудники – евреи, к тому же все они беспартийные, что, якобы он, академик Ландау, подбирает своих сотрудников не по деловым, а по национальным признакам. В руководимом им семинаре по теоретической физике нет ни одного русского сотрудника, в то же время подотчётная ему расчётная группа, возглавляемая профессором Мейманом Н.С., наполовину укомплектована лицами еврейской национальности. Схожая ситуация налицо и в академическом институте физической химии: в лаборатории, которая занималась важнейшими разработками по специальной тематике, евреи составляли 80 %, все теоретики института (Мейман, Левич, Волькенштейн, Тодес, Олевский) – евреи, заведующий конструкторским отделом и учёный секретарь также евреи. За период с 1943 по 1949 год под руководством директора института академика Фрумкина и профессоров Рогинского и Ребиндера подготовили докторские и кандидатские

диссертации 42 человека: из них 37 евреев. Аналогичное положение в Физическом институте имени Лебедева: здесь из 19 заведующих лабораториями русских 26 %, а евреев 53 %. К тому же в оптической лаборатории, руководимой академиком Ландсбергом, русских 33 %, евреев 67 %. В академическом Институте экономики из 20 докторов наук только 7 русских. Следует отметить, что среди теоретиков сложилась монополярная группа: Ландау, Леонтович, Фрумкин, Гинзбург, Лившиц, Гринберг, Франк, Компанец, Мейман и др. Все теоретические отделы физических и физико-химических институтов укомплектованы сторонниками этой группы, представителями еврейской национальности. История умалчивает, что предпринял тов. Суслон М.А., ставший при генсеке Брежнев Л.И. главным идеологом КПСС, по прочтению этого документа, который иначе чем доносом и не назовёшь. Точно так же, как и в записке умалчивается о величайших научных достижениях, перечисленных в ней носителей «пятой графы». Думается, что ни один из них не был уволен: в противном случае (товарищ Суслон М.А., надо понимать отчётливо осознавал это), советской науке был бы нанесён непоправимый ущерб.

Как бы там ни было, но сегодня Борис понял, что корыто, к которому он приблизился, грозило оказаться разбитым. Следовало немедленно придумать нечто экстраординарное. Но, как назло, аналитический разбор ситуации не приводил к решению трудоустройства, к проблеме, которая на сегодняшний день являлась не просто насущной, а жизненно необходимой. В реальности оказалось, что груз этой проблемы взвалила на себя Татьяна. Жизнь лишней раз подтверждала, что женщины в пограничных ситуациях оказываются намного боеспособнее и практичнее мужчин. Таня с отличием окончила первый медицинский институт в Москве и работала в больнице врачом-неврологом. Чтобы продолжить врачебную деятельность в Израиле, всем приехавшим докторам из СССР надлежало сдать сложный квалификационный экзамен для получения разрешения на работу. Оценка выставлялась в баллах (от 1 до 60). Сдавшими, как правило, считались соискатели, получившие максимальную оценку в 60 баллов. Это касалось врачей, имеющих стаж работы до 14 лет. Татьяне не повезло, ко времени приезда в Израиль её врачебный стаж составил 13 лет и семь месяцев. Знать бы заранее, она бы приехала на полгода позже. Конечно же, нестыковка со стажем расстроила Таню, но не выбила её из колеи. Она тут же записалась на шестимесячные курсы по подготовке к этому исключительно сложному экзамену, который практически охватывал пятилетнюю программу предметов, изучаемых ею в институте в Москве. Совсем не просто человеку, закончившему почти пятнадцать лет назад институт, нежданно-негаданно пройти экзаменационный тест за весь период обучения.

До открытия курсов оставалось ещё несколько месяцев, а пока что она с Борей изучала иврит в школе по изучению языка, называемой на местном наречии «ульпаном». По форме ульпан представлял собой здание школы, в которой репатрианты штудировали иврит после обеда, когда основные обитатели учебных апартаментов покидали его. По содержанию он меньше всего напоминал языковые курсы. Скорее он являл собой некий театр пантомимы, в котором выступал лишь один актёр в роли учителя семитской словесности. Им оказалась вальяжная дама, коренная израильтянка, которая, не зная русского языка, объясняла перевод слов с иврита исключительно путём движения тела, мимикой и жестами. Как ни странно, эта парадоксальная методика работала. Не столько, правда, по причине её эффективности, сколько из-за безысходности и неимения другой. Иврит Татьяне давался легко, несмотря на отсутствие привычной кириллицы, латиницы, гласных букв и на нетрадиционное написание справа налево. Уже через две недели она довольно сносно объяснялась в магазине и в поликлинике. Дошло даже до того, что сумев прочесть на иврите объявление о предложении работы, она взяла на себя смелость пойти на интервью с израильским работодателем. Таня понятия не имела, что в стране имеются специальные курсы по подготовке к интервью. Однако на интуитивном уровне, владея начальными азами иврита, она вела себя безукоризненно, обладая способностью из совсем небогатого лексикона ивритских слов, строить вполне цельные и грамотные

фразы. Да и речь, в общем-то, шла не о вакансии атташе какого-нибудь посольства, а о месте кассирши большого супермаркета. Не обошлось, правда, и без курьёзов. Директор торгового заведения, приятной наружности высокий брюнет, был в дорогих солнцезащитных очках. По этой причине Татьяна, с трудом конструируя простые обороты на пока ещё чужом для неё языке, не могла видеть выражение глаз собеседника как реакцию её ответов на его вопросы. Она, набравшись смелости, попросила его снять очки. Тривиальную, в общем, ситуацию обострило сходство фонетического звучания слов «очки» и «брюки», которые на иврите произносились соответственно как «мишкафаим» и «михнасаим». У Тани на слуху почему-то крутилось второе слово, что в, конечном итоге, выстроилось во фразу:

– Не будете ли вы так любезны, снять свои брюки.

Огорошенный директор не без эротического интереса взглянул на наивное лицо очаровательной визави и, догадавшись, что виной построения недвусмысленного предложения являлся языковой барьер, весело расхохотался. Надо ли говорить, что Татьяна тут же была принята на работу.

Работа кассира была несложной. В значительной степени её облегчала электронная система кассовых аппаратов, которая к тому времени уже была внедрена во всех супермаркетах Израиля. Требовалось только проводить купленный товар по считывающему устройству, прочитать на мониторе итоговую сумму и выдать покупателю сдачу, которая в цифровом виде тоже высвечивалась на экране. Работа монотонная, не предусматривающая образования вообще и высшего в частности, однако требующая сосредоточия и должного внимания. Всё вышеназванное у Тани имелось, однако, в конце каждого рабочего дня, когда производилась сводка всех продаж, у неё почему-то итоговая сумма выходила больше номинальной. Получалось, что она брала с покупателей больше, чем это было обозначено ценником. В тоже время никто из покупателей не жаловался на незапланированный обсчёт. В советском гастрономе такое экономическое чудо наверняка бы приветствовалось, там больше всего боялись недостачи. Как бы там ни было, начальник отдела отчитывала Татьяну якобы за нерадивую работу. Со временем всё наладилось, и дипломированный врач вносила свой материальный вклад в прокорм своей семьи.

Со временем Татьяна стала опознавать постоянных клиентов. Среди них особо выделялся высокий, профессорской внешности, мужчина с серебристой проседью в чёрных волосах. При оформлении покупки он заговаривал с Таней, оказывая ей признаки внимания, интересовался её образованием и специальностью, сожалел, что у него нет связей в мире медицины, чтобы помочь ей в трудоустройстве. Саги, так звали Таниного клиента, действительно, оказался профессором, он преподавал в Беер-Шевском университете ядерную физику. Когда он узнал, что муж Татьяны имеет докторскую степень по геодезии, он, недолго думая, записал на обороте кассового чека телефонный номер и имя Даниэль. Оказалось, что Даниэль Вассерман, родной брат Саги, тоже был профессором, но уже не Беер-Шевского университета, а Хайфского Техниона. Даниэль читал там курс лекций по математической и физической геодезии. Саги, расплываясь в радостной улыбке, скороговоркой произнёс:

– Пусть твой муж позвонит Даниэлю, я почти уверен, что он что-нибудь подыщет для него. Такие специалисты не должны пропадать в еврейском государстве.

Когда за ужином Таня протянула Борису листок с номером телефона и поведала ему с чем это связано, он, едва не подавившись куском жареной говядины, вскочил из-за стола, подбежал к любимой супруге и неистово закричал:

– Танюша, родная, ты даже не представляешь, что ты для меня сделала. Считай, что я уже работаю в Технионе. Нам придётся переезжать в Хайфу.

– Боря, ты случайно не перегрелся на солнце, – осадил его пыл Татьяна, – с чего ты взял, что тебя уже зачислили на кафедру.

– Таня, ты ничего не понимаешь, – продолжал верещать Борис, – мне сказали, что в Израиле при устройстве на работу главное – это протекция. А она твоими усилиями, дорогая, уже у меня в кармане.

Таня не очень разделяла совсем не оправданный оптимизм своего мужа. В тоже время ей очень не хотелось понижать пробудившийся в нём жизненный тонус. Поэтому она, уже не переча ему, тихо спросила:

– Боря, а что означает слово Технион?

Технион, – воодушевился Борис, – это не что иное, как политехнический или технологический университет. Он расположен на склоне живописной горы Кармель в Хайфе, насчитывает около 100 учебных и служебных корпусов и имеет полсотни научно-исследовательских центров.

– Ничего себе, – протянула Таня, – даже в Москве, в институте инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (МИИГАиК), где ты работал, не было такого количества корпусов.

– Ну, какая Москва, Танюша, – взъерошился Борис, – у нас было всего два учебных корпуса. Но дело, разумеется, не в их количестве.

– А в чём же тогда, – посмотрела Таня на разгорячившееся лицо мужа, – по каким критериям, Боря, ты недооцениваешь родную столицу и свою альма матер. Неужели израильское периферийное учебное заведение, о котором я никогда ничего не слышала, имеет такой авторитет.

– Представь себе, – отчеканил Борис, – что израильский Технион занял седьмое место в рейтинге лучших университетов мира. Мало того, он оказался и единственным университетом за пределами США, попавшим в первую десятку этого престижного списка. Перед ним – только легендарные американские университеты Принстон, Гарвард, Стэнфорд, Массачусетсе и ещё два университета. Это ведь о чём-то говорит.

Глава 3. Хождение по работодателям

На следующее утро Борис уже сидел в рейсовом автобусе, следующего из Беер-Шевы в Хайфу. За окном быстро проносился почти безжизненный, залитый уже горячим утренним солнцем, пустынный декор. Когда, проехав половину пути, миновали плоские, уставленные солнечными бойлерами, крыши Тель-Авива, законный ландшафт стал приобретать зеленые оттенки. Это означало, что автобус въехал на приморскую равнину, окаймляющую Израиль с севера на юг. Здесь, наконец, проявилось Средиземное, самое что ни есть голубое, тёплое и ласковое море, окаймлённое золотистыми песчаными дюнами. Эксклюзивный пальмовый коллаж за окнами автобуса неожиданно прервался малахитовым горным поднебесьем, венчающим въезд в северную столицу Израиля город Хайфу. Ещё через полчаса, слегка вспотевший от влажного морского бриза, Борис размеренно шагал по территории студенческого кампуса. Около входа в него он увидел две пальмы, которые отличались от остальных тем, что были посажены ещё в 1923 году великим Альбертом Эйнштейном во время его визита в Палестину. После образования еврейского государства именно он высказал мысль, что Израиль может выиграть сражение за выживание только благодаря разработке специальных знаний и технологий. Отыскать нужный корпус, где располагалась кафедра геодезии, оказалось совсем непростым делом. По сути дела Технион располагался на громадной, более 300 гектаров, территории, представляющей собой национальный парк, оформленный в лучших стилях садового искусства. В лабиринтах этого во многих местах нерукотворного сада рассыпались учебные корпуса, лаборатории, здания общежитий, спортивные комплексы, амфитеатр, поликлиники, магазины, кафе и даже синагога для религиозных преподавателей и студентов. Прошло немало времени, прежде чем Борис нашёл здание факультета гражданского строительства, одной из специальностей которого была геодезия и картография.

Профессор Даниэль Вассерман, после того, как Борис, путая несколько ивритских слов, которые ему удалось выучить, с не множеством английских, всё-таки представился, усадил его в кресло против себя и предложил чашечку кофе. Для постороннего наблюдателя их беседа напоминала театр мимики и жестов. Профессор говорил с ним на хорошем английском, но заметив, что Борис, не понимает его, начал невпопад размахивать руками и крутить головой в трёх плоскостях, надеясь, что эти телодвижения придадут его британскому наречию необходимое понимание со стороны собеседника. Борис, в свою очередь, пожимал плечами, вращая их из стороны в сторону или сверху вниз, в зависимости от интонации профессора, и мысленно проклинал нерадивых преподавателей, которые так и не смогли обучить его английскому языку. По правде говоря, дело было не столько в учителях, сколько в методике, которую их заставляли брать на вооружение. Суть её сводилась к тому, чтобы не научить языку, а то, мол, не дай бог, поедут за границу и выдадут самую страшную тайну СССР, где находится его столица, город-герой, Москва. Говорят, что ещё лично Иосифом Виссарионовичем Сталиным было отдано распоряжение переработать программы по иностранным языкам в школах и вузах так, чтобы граждане СССР говорить них не могли. Что касается Бориса, то для него указание «вождя народов» было полностью выполнено. Разговор с профессором не сложился, да и он, учитывая отмеченное, не мог получиться даже теоретически. Профессор, понимая этот неопровержимый факт, загадочно улыбнулся, обнял Бориса за плечи и препроводил в другой кабинет, на котором красовалась чёрно-белая вывеска с надписью «dean». Это английское слово было созвучно русскому, поэтому, Боря скорее догадался, чем понял, что внутри кабинета размещается не кто иной, как декан факультета. Профессор, указывая декану на Бориса, проговорил несколько фраз на иврите и вышел из кабинета. За полуовальным письменным столом сидел немолодой седой человек, который, не глядя на Бориса, обстоятельно просматривал его документы. Прошло не менее десяти минут прежде, чем он стремительно для его

грузной фигуры вскочил из-за стола и, протянув Борису руку, чуть ли не выкрикнул на достаточно сносном русском языке:

– Ну, здравствуйте, Борис Абрамович! Добро пожаловать на родину ваших предков. Давайте знакомиться. Меня зовут Хаим, отчество в Израиле называть не принято, фамилия Браверман, учёное звание – профессор, должность – декан факультета гражданского строительства.

Борис вздрогнул от обилия русских слов, которые не ожидал услышать в стенах израильского храма науки, и нелепо пробарабанил:

– Шалом, товарищ профессор!

Хаим усмехнулся и, неожиданно подмигнув Борису, весело протянул:

– Товарищи, Борис, это у большевиков, а у нас, как вы понимаете, все господа.

Он, выдержав паузу, уже с серьёзным видом продолжил:

– Я внимательно ознакомился с вашими документами и пришёл к выводу, что вы подходите нам практически по всем критериям.

У Бориса от внезапно нахлынувшей эйфории закружилась голова. Вот ведь как, не успел приехать в чужую страну, как его уже берут на работу, и не куда-нибудь, а в один из самых досточтимых университетов мира. Однако через минуту оказалось, что радоваться было рано. Профессор Браверман, сочувственно улыбаясь, заунывно промолвил:

– Тем не менее, уважаемый Борис, имеется у вас в наличии параметр, который меня категорически не устраивает. Все лекционные курсы, как вы догадываетесь, у нас читаются на иврите. Иногда мы приглашаем профессоров из Европы и США, которые ведут свои курсы на английском языке. Но вы Борис, к моему великому сожалению, не знаете ни иврита, ни английского.

– Что же прикажете мне делать, – расстроился Борис, – идти разнорабочим на стройку или подметать улицы.

– Приказывать Вам я не имею права, а вот посоветовать могу, – воскликнул Хаим Браверман, – я ведь тоже не получил должность декана по приезду из СССР. Родился я в Вильнюсе, потом оказался в Челябинске, позже был долгий путь репатриации в Израиль через Польшу. На стройке я, правда, не работал, зато чистил коровники и конюшни, работал на сельскохозяйственных работах под изнуряющим солнцем в кибуце на Мёртвом море. Это продолжалось несколько лет, пока я не понял, что иврит стал моим чуть ли не родным языком.

– Я понял, профессор, что моя программа-минимум-учить иврит, – удручённо промямлил Борис.

– Именно так, молодой человек, – перебил его Хаим, – только в этом случае вы сможете достичь и программу-максимум, которую сами себе выстроите.

– Ну что ж, господин профессор, – с трудом выдавил из себя Борис, – спасибо за напутствие, кто знает, может быть, ещё и встретимся.

– А вот в этом не сомневайтесь, – радостно провозгласил декан, – в Израиле не так много геодезистов с докторскими степенями, мы ещё обязательно столкнёмся на нашей совместной научной тропе. Борис уже было схватился за дверную ручку, чтобы покинуть кабинет, как Хаим поспешно выкрикнул ему, чуть ли не вслед:

– Вот ещё что, Борис, я просмотрел достаточно обширный список ваших научных трудов и увидел, что ваши публикации охватывают разнообразный диапазон исследований.

– Да, профессор, – сказал Борис, отходя уже от приоткрытой двери, – у меня имеется ряд разработок, как в области геодезической астрономии, так и в плане учёта влияния ошибок измерений, вызванных рефракцией.

– Я обратил внимание не только на актуальность ваших статей, – усмехнулся профессор, – но и на их количество. У вас напечатано 35 статей. У нас не каждый профессор сможет похвастаться таким числом изданных работ.

– Количество не всегда переходит в качество, – скромно потупился Борис.

– Будем надеяться, что всё-таки перерастает, – заверил его Хаим, – да и уважаемые московские издательства вряд ли выпустят в свет научную несусветность.

– Вероятность этого события, к сожалению, приближается к нулю, – мрачно подытожил Борис.

Он ещё и святым духом не ведал, что уже через два года в одном из именитых американских научных журналов будет переведена на английский язык и опубликована его статья об оптимизации измерений в геодезических сетях. Борис опубликовал её в Москве во всесоюзном журнале «Геодезия и картография» пятнадцать лет назад, когда он только начал готовить материал для диссертации. Сей факт неуклонно свидетельствовал, что выполненное им исследование до сих пор не потеряло актуальность. Тем временем профессор Браверман, крепко пожимая Борису руку, жизнерадостно заключил:

– Не отчаивайтесь, коллега, всё образуется. А пока что я записал на своей визитной карточке телефон своего друга, профессора Левитана. Он как раз работает в Бер-Шевском университете, позвоните ему от моего имени, возможно, он поможет вам в трудоустройстве.

Сказать, что Борис был расстроен результатом своего визита, означало сказать ничего. Однако его натура была сложена из крепкого, не поддающегося незначительным нравственным коррозиям, материала. Он прошёл суровую школу альпинистских восхождений. Там в горах совсем близко от него исходил шум грозных лавин, там грохотал камнепад и летели искры от вклинивающего в снежный фирн ледоруба. А тут, подумаешь, не вышло, что мимоходом пригрезилось, простое желаемое не превратилось в действительное. Правильно говорил его руководитель диссертации профессор Соломонов, что отрицательный результат – это тоже результат, а отсутствие результата – это стимул к его достижению. Именно поэтому, для того чтобы двигаться дальше, буквально на следующее утро, Борис позвонил профессору Левитану. К его огромной радости профессор тоже говорил на русском языке. Ссылка на профессора Бравермана сработала чётко, уже через два часа Борис сидел в кабинете Левитана. Оказалось, что по поручению министерства науки, можно сказать с прямой санкции правительства, профессору Левитану надлежало создать ряд технологических теплиц. Целью этих теплиц являлась реализация и внедрение идей новых репатриантов с учёными степенями, обладающими инженерными и научными знаниями высокого уровня. Другими словами, вновь прибывшим кандидатам и докторам наук предоставлялась возможность претворить свои идеи и опыт в жизнь. Правительство финансировало этот проект, поэтому участвующим в нём учёным гарантировалась зарплата. Что могло быть лучше этого: продвигай свои разработки в жизнь и получай за это деньги. Однако в случае Бориса концепция «отрицательного результата» продолжала своё никем неутверждённое право на существование. Профессор Левитан равно, как и его коллега из Техниона, принял Бориса весьма гостеприимно. Вместе с тем, просмотрев документы Бориса, он совсем невесело подвёл черту, сообщив ему следующее:

– Должен вас огорчить, Борис, но вы совсем не виноваты в том, что геодезия не попадает в список фундаментальных наук. Кроме того, создаваемым теплицам предписано функционировать в следующих областях: электроника – 32 %, программное обеспечение – 22 %, химия и материалы – 23 %, медицинское оборудование – 9 %, остальное – 14 %.

– Как я понимаю, в оставшихся 14 % геодезия тоже не числится? – с надеждой в голосе спросил Борис.

– К сожалению, коллега, – скаламбурил профессор, – науки на букву «Г» в список не входят. Как видите, здесь нет даже геологии, хотя, как вы понимаете, Израиль, в первую очередь, остро нуждается в разведке полезных ископаемых, а не в измерениях земной поверхности.

– Не скрою, профессор, что я разочарован концовкой нашей беседы, – жалобно пробормотал Борис, – но, как говорится, на нет и суда нет.

– Суд, может быть, и будет, – продолжал иронизировать Левитан, – только никто не знает когда. Впрочем, Борис, вот вам моя визитная карточка, на которой я написал номер телефона директора ОРТ (а), попробуйте поговорить с ним о вашем трудоустройстве, сославшись на меня.

– Страна визитных карточек и протекций, – подумал про себя вконец расстроенный Борис, выходя из кабинета.

С другой стороны, Бориса радовало, что он не стоит на месте, всё-таки, как говорил ренегат Каутский «Конечная цель – ничто, а движение – всё». В отличие от Каутского, от конечной цели, нахождения работы по специальности, он отказываться не желал, но в любом случае продолжение движения означало физическое состояние, отличное от состояния покоя, состояния крайне опасного. Поэтому, выйдя из здания университета, Борис незамедлительно позвонил и уже через час был приглашён на беседу с директором ОРТ (а). Борис не знал, что слово ОРТ, которое своеобразно писалось на иврите, на самом деле, являлось русской аббревиатурой, расшифровывающейся не иначе как «Общество ремесленного труда». Разумеется, что история его создания была связана с Россией. Деньги на первые школы сети ОРТ жертвовали известные богачи дореволюционной России железнодорожный магнат Самуил Поляков и банкир барон Гораций Гинцбург. Большевики окончательно закрыли эту систему школ в 1938 году. Зато она нашла своё достойное продолжение в Израиле. Эти школы, в отличие от общеобразовательных, кроме академического образования, дают ещё и достаточно востребованные профессии.

Всё это на хорошем русском языке объяснил ему директор Яков Резник, который приехал в Израиль в 1972 году из украинского города Черновцы. Складывалось впечатление, что половина Израиля говорит по-русски. Если сегодня это ещё не совсем соответствовало действительности, то уже через какие-то несколько лет, в связи с более чем миллионной репатриацией советских евреев, каждый пятый житель страны будет являться носителем великого и могучего тургеневского языка. Старожилы помнят, что в первые годы образования государства Израиль в Кнессете (парламент) преобладал русский язык. Да и к людям, которые говорили на иврите с русским акцентом, относились с уважением. Постепенно иврит вытеснил русский говорок, однако, уже с 1990 года, года массового исхода евреев из СССР, он получил своё второе рождение. В стране стали издаваться более десятка русских газет, появились две русские радиостанции (одна из них государственная) и даже телевизионный канал, транслирующий свои программы на языке Пушкина.

Яков Резник, добродушный толстячок с умными и выразительными серыми глазами, работал по специальности. В Черновцах он занимал должность заместителя директора техникума МОД по учебной работе. Аббревиатура МОД не имела никакого отношения к одежде и расшифровывалась как «механическая обработка древесины». В любом случае получалось, что направление работы Якова в Израиле практически не изменилось. Услышав, что Борис имеет докторскую степень, он, довольно потирая руки, радостно воскликнул:

– Прекрасно, получается на ловца и зверь бежит.

– Получается, что вы ловец, а я выходит зверь, – без особого энтузиазма заключил Борис.

– Выходит да, – рассмеялся Яков, – но в хорошем смысле этого слова. Видите ли, Борис, в связи с приездом большого числа репатриантов с учёными степенями, которые в прошлом работали преподавателями в школах и институтах, министерство образования приняло решение за их счёт укрепить кадровый состав ОРТ (ов).

– Но, простите Яков, – смутился Борис, – я преподавал специальные дисциплины, которые вряд ли имеются в ваших учебных заведениях.

– А вот это как раз не имеет решающего значения, – заверил его Яков, – ведь вы, как следует из ваших документов, кандидат технических, повторяю технических, а не каких-нибудь там филологических наук и, надо полагать, хорошо знаете физику и математику. Вот что главное.

Математику Борис знал достаточно хорошо, ведь, по сути дела, вся геодезия базируется на математике. Больше того, математика зародилась из геодезии, а не наоборот. Борис глядел на пальмовые ветви, нахально вторгающиеся в кабинет Якова, и подумал:

– А почему бы и в, самом деле, не попробовать сеять разумное и доброе в области математики, раз другого выхода нет. Теребя в кармане зажатую в руках сигарету, которую сиюминутно хотелось выкурить до последнего тлеющего уголька в ней, вслух он озвучил Якову следующее:

– Как же я, простите, буду преподавать, когда мне, вряд ли, представится возможность в ближайшее время перепрыгнуть через барьер, называемый языковым.

– За это, уважаемый Борис, не надо беспокоиться, министерство образования организует для соискателей полугодовые интенсивные курсы по изучению иврита, так что оставьте свои документы и ждите вызова, – заверил его на прощание Яков.

Вызов не замедлил прийти уже через неделю. Только как по форме, так и по содержанию это был не вызов от слова вызывать, а скорее отзыв от слова отозвать. В коротеньком письме вместе с пожеланиями дальнейших успехов сообщалось, что он, Борис Буткевич, не может быть принят преподавателем в системе ОРТ ввиду отсутствия у него диплома педагогической направленности. Коротко, однозначно и более чем понятно. Непонятно только зачем Яков Резник из эксклюзивного города Черновицы морочил Борису и без того забитую мрачными мыслями голову. Впереди снова маячило продолжение марафона, по дороге окутанной густым туманом.

Глава 4. Стрелецкая водка

Временно рассеять эту миражную дымку неожиданно удалось соседу по этажу израильскому аборигену по имени Нисим. Аборигеном Нисим являлся не всегда. В Израиль он репатрировался маленьким ребёнком вместе с родителями из африканской страны с экзотическим названием Марокко. Это государство долгое время была французской колонией, поэтому представителям ашкеназской общины Нисим представлялся выходцем из Франции с целью приблизить своё родство поближе к Европе. Ведь Африка во все времена представлялась европейцам некой, мягко говоря, мировой глубинкой. Борис только сейчас понял, что, по большому счёту, всё еврейское сообщество в Израиле делится на ашкеназов и сефардов. По теории, ашкеназ – это еврейское наименование Германии, а Сфарад – название Испании. На практике, всех евреев, рождённых в Европе, называют ашкеназами, а большинство переселенцев из арабских стран – сефардами. Борис, будучи два месяца в стране, ещё не понял, что между ашкеназами и сефардами существует заметное даже невооружённым глазом противостояние. Дело в том, что ашкеназы, прибывшие в Палестину ещё задолго до образования государства Израиль, по сути, создали все государственные институты и по сегодняшний день контролируют большинство аспектов политической, экономической, финансовой, социальной и культурной жизни страны. В целом они относятся к наиболее зажиточной части общества, занимая в нём ключевые должности. Исторически сложилось, что сефарды с первых дней их появления в Израиле были унижены и дискриминированы ашкеназами. Отголоски этого, прямо скажем, не совсем этичного явления имеют место быть и сегодня.

Несмотря на все эти отголоски, коренной москвич, европеец, а теперь ещё и ашкеназ Борис Буткевич сблизился с Нисимом, соседом по этажу, уроженцем небольшого городка, расположенного в Северной Африке. Невзирая на огромную разницу в образовании, разделяющую их (Борис всё-таки относил себя к разряду учёных, а Нисим работал простым сантехником), они сдружились. Этой, более чем странной, дружбе двух ровесников с диаметрально противоположным менталитетом не мешал даже языковой барьер. А началось с того, что в туалете у Бориса засорилась канализация. По всей квартире распространилось зловонное амбре, с запахом фекалий на канализационных отстойниках. К тому же это произошло за час до наступления «шабата». Шабат по форме является, начиная с воскресения, седьмым днём недели, который у евреев, по сути, является праздником. Уже за день до его наступления евреи желают друг другу «шабат шалом». В дословном переводе это переводится как «здравствуй суббота», а на самом деле означает пожелание «мирной субботы». По содержанию «шабат» – это остров спокойствия в круговороте волнений, забот, хлопот и суеты, который характеризует повседневную жизнь в течение остальных шести дней недели. Главное правило «шабата» – человек в этот день не должен работать. Каждую неделю страна замирает: закрыты все бизнесы, не работают практически все учреждения и магазины, автомобили стоят в гараже, городской транспорт не функционирует, заботы материальной жизни скрываются за пеленой забвения. Так, по крайней мере, выглядел «шабат» до приезда советских евреев. Уже через несколько лет после приезда миллионной армии репатриантов из СССР, подавляющее большинство которой по укоренившейся привычке даже религию иудаизма считали опиумом народа, в основные каноны «шабата» были внесены существенные коррективы. Бывшие жители одной шестой части суши, невзирая на запретные каноны, свободно передвигались по стране на своих авто из точки А в точку В. В крупных городах по субботам начали работать небольшие русские продуктовые магазины, переросшие со временем в крупные супермаркеты. Это, однако, ни в коей мере не относилось к религиозному Нисиму, который весь пятничный вечер и большую часть субботнего дня посвящал молитвам в синагоге.

Так случилось, что примерно за час до наступления «шабата», он проходил мимо квартиры Бориса, учуяв естественно неблагородный запах, доносившийся оттуда. Так случилось, что Нисим долго не раздумывал, вооружившись инструментом сантехника, принялся за нелёгкую работу очистки канализационной трубы. Ему удалось найти неисправность в самой трубе, внутри которой каким-то образом оказался железный уголок, препятствующий стоку жидкости. По версии жильцов дома это было специально проделано арабскими рабочими, которые строили этот дом. Если у Владимира Высоцкого «всего лишь час дают на артобстрел, всего лишь час в пехоте передышка», то у сантехника Нисима всего лишь час был, чтобы освободить квартиру Бориса от зловония. За этот час надо было сделать разрез в чугунной трубе, откачать из неё грязь и снова залатать трубу. Нисим справился за час и пятнадцать минут. Борис не то чтобы видел, а буквально осязал душевные страдания Нисима в последние четверть часа работы, которые уже были отведены Господом для субботнего ритуала. Уже вечером Нисим сообщит Борису, что синагогальный раввин сказал ему, что он совершил богоугодное дело и, поэтому, здесь нарушение «шабата» не усматривается. Только потом Борис узнает, что за устранение такой крупной неисправности частный сантехник взял бы с него не меньше, чем тысячу шекелей, в то время, как Нисим даже словом не обмолвился о какой-либо плате за проделанную работу.

Всё-таки в виде малой толики какого-либо вознаграждения Борис подарил Нисиму бутылку крепкого русского напитка. Честно говоря, он и не думал презентовать соседу этот образец советской ликероводочной промышленности, на этикетке которого было написано «Стрелецкая горькая настойка, цена 2р.38 коп, без стоимости посуды». Она была названа в честь военного подразделения времён Петра 1. Стрелец, изображённый на водочной наклейке, был вооружён ружьём, а в другой руке он держал закруглённую режущую металлическую пластину на длинной ручке, напоминающую топор. Поэтому, горькая настойка получила второе народное название. Одни представители пьющего народа называли её «мужик с топором», а другие – «человек с ружьём». Борис не причислял себя к обществу как анонимных, так и легальных алкоголиков. Да и потреблял он по случаю совсем не водку, а исключительно марочный коньяк. Но бутылка «Стрелецкой» оказалась в его израильской квартире вовсе не случайно. Ещё в Москве он бросил её в багажный чемодан не в качестве маленького русского сувенира, а скорее как мрачное напоминание об эпизоде, который он тщетно пытался предать забвению.

Это произошло в середине семидесятых, через год как они с Таней поженились. Жили они тогда у Бориных родителей, где в большой трёхкомнатной квартире им выделили комнату. Местом постоянной встречи Татьяны с матерью Бориса являлась просторная кухня. Вот здесь-то и находила коса на камень. Неизвестно, кто являлся косой, а кто камнем, но именно кухня являлась местом постоянных разборок и конфликтов между Татьяной и мамой Бориса, Брониславой Григорьевны. Мать неизменно жаловалась на молодую невестку, а Таня – непрерывно на свекровь. Что самые любимые Борисом женщины не могли поделить на этой самой кухне, было выше его мужского понимания. В один далеко не самый прекрасный вечер выяснение отношений между двумя женщинами переросло в громкий скандал. Бронислава Григорьевна обвиняла Таню в полном неумении приготовить мужу обед, а она, в свою очередь, инкриминировала матери Бориса деспотизм и непочтение к себе. Самым неутешительным во всём этом являлся факт того, что обе женщины возлагали на Бориса функции третьей стороны. Но он был не просто третьим лицом, а человеком, горячо любившим свою мать и искренне боготворившим молодую жену. По этой веской причине в третьей стороне Борис ну никак не годился. Разбушевавшийся конфликт принёс ему нравственные страдания, заняло сердце от бессилия разрешить эту непростую ситуацию. Обозлённый и убитый свалившейся напастью, он не нашёл ничего лучшего как хлопнуть дверью и покинуть родительский дом. Ему казалось, что он шёл по узким замоскворецким переулкам в направлении, куда глаза глядят. Но глазам, почему то

приглянулся бар под романтическим названием «Метелица». Здесь крепкие спиртные напитки продавали не оптом, а на разлив. Борис увидел за стойкой бара молдавский коньяк «Белый аист». Выгребая свою денежную наличность из карманов, он обнаружил, что её сумма соответствует только лишь стакану относительно дешёвой настойки «Стрелецкая». Борис не знал, что алкогольная голь России окрестила эту настойку непристойным названием «Стервецкая». Справедливость этой народной идиомы он ощутил уже через час после принятия этого чуданапитка. Единственное что всё-таки удалось его производителям, это достичь полного соответствия его названию. Внутри у Бориса простреливался весь организм, через каждые четверть часа его тошнило, и он останавливался, чтобы в очередной раз опорожнить накопившуюся в недрах своего тела едва переносимую гадость. Наиболее отягощающим последствием «стрелецкого» возлияния была практически полная потеря ориентации, как в пространстве, так и во времени.

Борис пришёл в себя только утром, проснувшись в чужой постели. Над ним склонилась какая-то невероятно красивая женщина, которая, протянув ему стакан с прозрачной жидкостью, приказала немедленно опустошить его. Содержимое стакана наяву оказалась водкой. Борис, поперхнувшись ею, хотел отбросить ненавистную посудину, но белокурая красавица не дала ему это сделать, заставив допить её до конца. Прошло ещё четверть часа, прежде чем краски объективной реальности стали проявляться в глазах Бориса. Интерьер комнаты, в которой он находился, показался ему знакомым. А когда пышногрудая блондинка снова подошла к нему и нежно проворковала:

– Доброе утро, Борисочка! Эту ночь, дорогой, я не забуду никогда. Я всегда предполагала, что ты эротичный мужчина. Но сегодня поняла, что ты прямо сексуальный мачо, жеребец, который может соблазнить любую женщину.

Только через какое-то время Борис, сквозь просеивающийся перед глазами туман, опознал в ней свою сокурсницу Наташку Соколову.

– Наташка, что происходит, почему я здесь и как сюда попал? – заикающимся голосом пробубнил Борис.

– Да, Борисочка, ночь была с ливнями, а секс был совсем нескучный, – продолжала гнуть свою линию Наташа.

Борис стремительно выпрыгнул из постели, чтобы взглянуть в окно и проверить, изменился ли окружающий мир с его пробуждением, однако, обнаружив себя в положении, в чём мать родила, вынужден был снова спрятаться под одеяло. Под залихватый хохоток Наташи он, заикаясь, чуть ли не по слогам, несмело спросил:

– Наташка, ты не шутишь, между нами, в самом деле, что-то было?

– Ещё как было, и надеюсь, Борисочка, не в последний раз, – обнадёжила его Наташа, – никогда не думала, что мне будет с тобой так хорошо.

Выпитые полстакана водки, как ни странно, привели Бориса в более-менее пристойное состояние. В первый и, пожалуй, в последний раз жизни он ощутил, что такое похмелье. После большой чашки чёрного кофе, который мастерски приготовила Наташа, Борис окончательно пришёл в себя. Наташа предстала перед ним не только в роли искусительницы, а и вселенской спасительницы, рассказав как она, представившись его женой, буквально вырвала его из рук двух милиционеров, ведших его к патрульной машине.

– Видишь, Борисочка, вместо холодного вытрезвителя, порядочная женщина предоставила тебе кров и постель, в которой ты, хоть и пьяный, показал истинные чудеса Камасутры, – чуть ли не промурлыкала она, нежно смотря на Бориса.

Перехватив её томный взгляд, Борис понял, что всё-таки в постели он не лежал неподвижным бревном. Вот ведь как бывает, когда почти вся мужская половина курса домогалась Наташки, когда на геодезической практике он остался с ней вдвоём и страстно желал её, она абсолютно никому не давала ни малейшего повода или намёка на близость с ней. Да и вообще

Наташа слыла на факультете не то чтобы недотрогой, а просто неприступной принцессой, предназначенной для реального принца, который уже спешил к ней на белом коне. А сегодня получилось, что в роли принца выступил Борис, которого Наташа волокла к себе домой, чуть ли не на руках и отнюдь не на белом коне.

– Наташенька, спасибо тебе за всё, – пролепетал Борис, – пусть это останется нашей маленькой тайной и надеюсь, что это больше никогда не повторится.

– Что не повторится, – внезапно нахмурилась Наташа, – что ты больше не будешь так напиваться и напрашиваться в гости в вытрезвитель или делить со мной мягкую постель.

– И то, и другое – боязливо пролепетал Борис, не смея взглянуть в голубые Наташины глаза.

– Да не бойся, Борисочка, рассказывали мне, как ты любишь свою жену, – успокоила его Наташа, – впрочем, уже через месяц я уезжаю за границу, выхожу замуж за арабского шейха, который учился в Москве, так что вероятность повстречаться, равна нулю.

В эту минуту Борис не ведал, что вероятность это всего-навсего теория, а практика, как правило, намного достовернее. Борис и подумать не мог, что ему ещё предстоит встреча с Наташей в той самой загранице, куда она собирается ехать. Сейчас же его беспокоило совсем другое, его тревожило, что же он скажет матери и Танюше. Так ничего не придумав путного и, понадеявшись на импровизацию, которая всегда спасала его, он не без боязни открыл своим ключом входную дверь. Войдя на кухню, которая, собственно, и являлась предвестником всех его вчерашних злключений, он увидел заплаканные глаза матери, встревоженную Татьяну и отсвет кухонного абажура в очках отца. Мама бросилась ему на шею, слёзы чуть ли не водопадом брызнули из её глаз, Таня прижалась своей головкой к его плечу и только отец, протирая свои очки, тихо спросил:

– Где же ты пропадал всю ночь, сынок.

В этот раз Борису даже не пришлось импровизировать потому, что никто и не ждал от него ответа. Мама, вытирая слёзы из заплавленных краснотой глаз, шептала ему на ухо:

– Всё, Боренька, поверь мне, больше никогда не буду ссориться с Танечкой.

А любимая жена напевала ему во второе ухо:

– Обещаю тебе, милый, что больше никогда не услышишь дурного слова, сказанного маме.

Фактически получалось, что для того чтобы восстановить статус-кво в семье, Борису необходимо было напиться до безобразия и как следствие этому, против своей воли, переспать с посторонней женщиной. Символом всего этого безобразия являлась незабвенная бутылка с надписью «Стрелецкая горькая настойка», которую Борис и подарил Нисиму.

На самом деле Борис вовсе не собирался дарить Нисиму эту злосчастную бутылку с гадким алкоголем. Просто ему совершенно случайно удалось перехватить его немигающий взгляд, который пристально смотрел на незабвенную «Стрелецкую». Борис понял, что соседа заинтересовала не столько содержимое бутылки, сколько стеклотара, в которой оно находится. Когда он презентовал Нисиму бутылку, тот пригласил его в гости. Следует отметить, что на третьем этаже ветхого дома, одну из квартир которого арендовал Борис, помещались ещё две трёхкомнатные квартиры. У Нисима была большая семья: он, жена, черноволосая марокканская красавица Мирьям, две дочери и два сына. Все они ютились в небольшом салоне и двух крошечных спальнях одной из квартир. Когда Борис переступил порог второй квартиры, куда позвал его Нисим, он пришёл в состояние, близкое к шоковому. Борис просто обомлел, удивлению его не было конца. Стенные перегородки, разделяющие салон, кухню, спальни, туалет и ванну были снесены. Всё пространство полностью открытого уже нежилого помещения занимали стеклянные шкафы, секретеры и буфеты. На всех полках этой нестандартной, выполненной, видимо по специальному заказу, мебели размещались различной конфигурации и ёмкости разнообразные бутылки, заполненные водкой, коньяками, бренди, виски, джином, мартини, винами,

ликёрами и другими алкогольными напитками. Цветовая гамма этикеток на этих бутылках, подсвечиваемая светло-розовыми и салатовыми лампочками, создавала совершенно неповторимое фантастическое зрелище. У Бориса создалось впечатление, что он попал в какой-то волшебный ликероводочный Эрмитаж. Нонсенс увиденного никак не вязался с тем, что хозяин оригинального алкогольного музея, достойного внесения в книгу Гиннеса, никогда не пробовал даже йоты алкоголя. Тем не менее, Нисим, достав из запасника бутылку с бледно-зеленоватой наклейкой, открыл её и наполнил фужер со словами:

– Это тебе, Борис. Попробуй. Я налил тебе водку, которую пьют практически во всех арабских странах. Изготавливается она из масла, получаемого на основе аниса. Пей, Борис, пей. Это очень качественный напиток.

Борис понял, что Нисим, как и подавляющее большинство его соотечественников, был убеждён, что для вновь прибывших русских водка является таким же незаменимым продуктом, как хлеб и картошка. Поэтому, чтобы не посрамить отечество, он всё-таки заставил себя сделать первый глоток. Борису показалось, что горло его разорвалось на части от необычайной крепости этого арабского самогона, он сразу ощутил во рту мерзкий запах микстуры от кашля, которую его заставляли пить ещё в раннем детстве. Учитывая приобретённый опыт потребления «Стрелецкой», он, к великому удивлению Нисима, не стал испытывать судьбу вторично и отодвинул предложенный фужер на середину стола, опорочив, таким образом, отчизну. Но даже стыд от не выпитой водки не смог затмить неразумение того, как такой добропорядочный семьянин как Нисим заставлял ютиться своё семейство в тесной квартире в обмен на прекрасный, но никому не нужный музей, который он соорудил на жилплощади, в которой остро нуждались его домочадцы. Поистине, страсть, азарт и фанатизм Нисима как коллекционера не знали границ.

Глава 5. Судный день

Ближе к вечеру следующего дня Борис ощутил какую-то неестественную тишину за окном. Выглянув из окна салона, которое выходило на шоссе Бер-Шева – Тель-Авив, он обнаружил, что оно пустое. Обычно загруженная бесконечным потоком легковых и грузовых машин, рейсовыми и туристскими автобусами междугородняя трасса сегодня выглядела как узкая серая лента, медленно сползающая за хорошо видимым горизонтом в пустынную негевскую бесконечность. Не успел он придумать причину этого явления, как кто-то позвонил в дверь. На пороге стоял Нисим, облачённый в парадные чёрные брюки и белую рубашку, на голове у него темнела круглая шапочка, называемая кипой. Он, не давая Борису опомниться, водрузил ему на голову, поспешно вынутую из брючного кармана, такую же кипу, схватил его за руку и чуть ли не силком потащил в синагогу. По дороге он объяснил ошеломлённому Борису, что сегодня не совсем обычный день, что сегодня в Израиле наступил Судный день, который в иудаизме считается неординарной датой. В принципе, этот день считается днём покаяния и отпущения грехов. Именно в этот день, согласно Талмуду, Господь выносит свой вердикт, оценивая деятельность человека за весь прошедший год. В этот день религиозные евреи соблюдают пять основных запретов: нельзя есть, пить и курить, нельзя умываться и принимать душ, нельзя пользоваться косметикой и парфюмерией, нельзя носить кожаную обувь, нельзя заниматься сексом. Относительно последнего запрета народная молва даже сложила анекдот:

– Скажите, ребе, – спрашивает раввина еврей, – можно ли в Судный день иметь половую близость с женой.

– Если это, действительно, необходимо, – отвечает задумчиво раввин, – то в виде исключения можно.

– А можно ли, ребе, – продолжает еврей, – делать тоже самое с любовницей.

– Категорически недопустимо, – рявкнул ребе, – богоугодный еврей не должен получать в этот день удовольствие и блаженство.

На самом деле в Судный день интимные отношения не допускались ни с женой и ни с любовницей. Всё это объяснил Борису на чистом русском языке один из молящихся в синагоге мужчин, к которому подвёл его Нисим. Фима, так звали толстого низкорослого мужчину, одетого в таллит: ритуальное мужское одеяние, напоминающее плащ, вышитый из белой ткани с голубыми полосами. Борис обратил внимание, что на флаге Израиля присутствуют цвета и полосы этого таллита. Фима вручил Борису толстый, чёрного цвета молитвенник, правая сторона каждой страницы которого была написана на иврите, а левая – на русском языке и спросил:

– Извини, Борис, твои родители живы?

Когда Борис ответил, что и мать, и отец покоятся на одном из московских кладбищ, Фима открыл молитвенник на нужной странице и прошептал:

– Минут через десять в синагоге закончат читать Тору, после чего начнётся поминальная молитва по умершим.

Главная часть этой молитвы заключается в том, что молящийся даёт про себя обещание сделать пожертвование в честь покойного, совершая тем самым доброе дело в этом материальном мире. Считается, что тогда душа покойного получает дополнительную заслугу и духовное вознесение. Борис, слегка покачиваясь, впервые в жизни читал про себя текст молитвы, вспоминая при этом мать и отца. Перед ним, как в замедленной киносъёмке, прокручивались кадры его, действительно, счастливого детства. Перед его закрытыми глазами из поднебесья выплывали до боли знакомые родные лица мамы и папы. За несколько минут почти полного отрешения от реального мира он вспомнил громадное количество эпизодов, связанных с покойными родителями. Маловероятно, что в суете будничного повседневья с ним бы произошло это

таинство проникновения в прошлое, связанное с самыми родными людьми. Борис чувствовал какое-то лёгкое головокружение, ощущение какого-то внезапного погружения в завуалированную мистерию не покидало его всё время нахождения в синагоге. Получалось, что бывший председатель пионерского отряда, бывший секретарь комсомольской организации факультета провёл этот день не только в полном согласии со своей духовностью, а как подспудно подозревал Борис, в гармонии с самим Господом. Он испытал давно забытые чувства счастья, глубокой радости, необычайной лёгкости и свободы. Здесь у входного портала бер-шевской синагоги он поклялся каждый год соблюдать Судный день со всеми его запретами, тяготами и лишениями. Вразумительного толкования этой неординарности своего решения Борис вряд ли смог бы истолковать кому либо, не сумел бы он объяснить это даже самому себе.

Буквально на следующий день на пороге квартиры Бориса снова проявился Нисим. В руках у него развевалась раскрытая газета. Вздурораженный Нисим громко выкрикнул:

– Вот видишь, Борис, Господь всемогущ, он всё видит. Ты помолился вчера в синагоге, а он уже и работу для тебя приготовил.

Нисим ткнул свой указательный палец в маленький чёрный квадратик газетного объявления, которое гласило, что бер-шевской мэрии требуется на работу начальник инженерно-геодезического отдела. Он, вручив Борису листочек бумаги с написанным телефоном, менторским голосом возвестил:

– Здесь телефон Фимы, с которым я тебя вчера познакомил в синагоге. Обратись к нему, он поможет тебе заполнить документы.

Борис был в смятении, прежде чем позвонить Фиме, он, выкурив две сигареты подряд, старался представить себя в роли шефа геодезической службы учреждения, направление и профиль работы которой он не представлял себе даже на русском языке. Конкретная визуализация всего этого, которую пытался вырисовать себе Борис, как-то не складывалась. Все его сомнения в одночасье развеял Фима.

– Не робей, Боря, – успокаивал он, – ты же всё-таки доктор наук. Разберёшься, где наша не пропадала.

Не прошло и двух часов, как Фима заполнил все необходимые бланки, вложил их в большой конверт и они отправились на почту.

Уже через неделю Борис радостно кружил по комнате Татьяну, после того, как она, вооружившись словарём, перевела текст короткого письма из бер-шевской мэрии. Борис не верил своим ушам, заставляя жену несколько раз проверить правильность перевода слова «принят». Из канцелярского эпистолярия следовало, что он, доктор Борис Буткевич, принят на работу в муниципалитет Беер-Шевы на должность начальника инженерно-геодезического отдела с трёхмесячным испытательным сроком. Уже потом он узнал, что претендентом на эту должность он являлся в единственном числе, по документам он более чем соответствовал предъявляемым критериям отбора и поэтому, предписанного всеми правилами, конкурса решили не устраивать. Да ещё с большой долей вероятности можно было предположить, что никто из членов комиссии не обратил внимания на малый срок его пребывания в Израиле. Что сулил Борису завтрашний день, было известно только Всевышнему, а сегодня он праздновал победу. Сегодня он заставил себя забыть, что финансовой помощи от государства для полноценного бытия было недостаточно, а небольшая подработка Татьяны позволяла только разнообразить и улучшить качество поглощаемых продуктов, что в их доме был введён строжайший режим расходования денежных средств. Ведь, кроме покупки продуктов, надлежало платить немалые деньги за аренду квартиры, за коммунальные услуги (вода, электричество, газ, муниципальный налог), вносить ежемесячные платежи за взятые в кредит холодильник, стиральную машину, телевизор и газовую плиту. В соответствии с введенными Борисом экономическими ограничениями, которые он называл, по аналогии с НЭП, ВЭП (временная экономическая политика), предписывалось на продукты питания тратить не более ста шекелей в месяц. Сегодня, в честь

получения хорошей должности, которая, надо полагать, позволит отменить эту самую ВЭП, он сам себе санкционировал покупку недешёвого израильского бренди. Сегодня, уложив дочерей спать, он с Татьяной позволил себе на самую малость абстрагироваться от трудностей репатриантского бытия, превратив поздний ужин в маленький семейный праздник.

Время до вождёльного завтра тянулось целую вечность. Борис не спал всю ночь, прикидывая возможные варианты своей будущей работы. Он хорошо понимал, что мэрии требовались специалисты по инженерной геодезии, которой, по большому счёту, он никогда не занимался. Московский институт инженеров геодезии готовил специалистов по трём специальностям: инженерная геодезия, аэрофотогеодезия и астрономогеодезия. Борис являлся выпускником последней, самой престижной и, как он считал, наиболее интересной специальности, в программе которой трёхсеместровый курс инженерной геодезии, изучаемой прикладниками, не значился. Поэтому, он правильно полагал, что в предлагаемой работе ему может не хватить знаний и опыта, не говоря уже о том, что ко всему ещё и требовалось руководить. С другой стороны, внутренний голос утешающе нащёптывал ему:

– Да брось ты волноваться, Борис, ты всё-таки доктор наук, диссертация твоя затрагивает и аспекты прикладной геодезии, разберёшься, не боги горшки обжигают.

Заглядывающая в окно жёлтая луна подмигивала ему прожилками своих кратеров, а розовая ленточка, вспыхнувшая на ободке горизонта, напомнила, что завтра уже наступило, незаметно превращаясь в сегодня.

Борис медленно шёл по старому городу. Он рано вышел из дома, не в силах усидеть в замкнутом пространстве. До начала рабочего дня оставался ещё целый час. Впереди показалась чёрная решётчатая оградка, окаймляющая историческую реликвию города, колодец праотца Авраама, который, как упоминается в Танахе, выкопал его. По одной из версий таких водяных скважин было семь. Собственно, этот недоказанный факт и дал название городу, словосочетание Бер-Шева переводится как семь колодцев. Продолжая свой путь, Борис, неторопливо обойдя арку, выполненную в стиле турецкого моста и примыкающую к ней старую мусульманскую мечеть, приблизился к ветхой, выстроенной ещё турками, железнодорожной станции, к кирпичному фасаду которой прилепился допотопный паровозик. Запутанный лабиринт узких улочек вывел Бориса к бедуинскому базару, который, несмотря на раннее утро уже утопал в шумовом громохании пёстрого восточного рынка. Возле огромного торгового центра он обнаружил маленькую кофеюшку, в которой приветливый молодой бедуин всего за один шекель сварил ему кофе. Борис с удовольствием отхлёбывал из маленькой чашечки пахнущий кардамоном кофе, закусывая его глубокими затяжками самых дешёвых израильских сигарет под названием «Ноблес». Рука, держащая сигарету, заметно подрагивала, Борис нервничал, до начала работы оставалось всего четверть часа. Лихорадочно затушив почти истлевший окурочок, он поспешил к белеющему современному зданию бер-шевского городского совета.

Без особого труда разыскав нужный кабинет, он с усилием приоткрыл входную дверь. Навстречу ему, ослепляя блеском огненно-рыжих волос, поднялся высокого роста пожилой человек. Приподняв очки и в упор глядя на Бориса, он радостно проговорил:

– Шалом адон Буткевич! Барух аба вэ бэ шаа това!

Что в переводе означало:

– Здравствуйте, господин Буткевич! Добро пожаловать и в добрый час!

Борис, ничего не поняв из этой короткой тирады, кроме своей фамилии, на всякий случай улыбнулся, приветливо кивнул головой и в ответ, без всяких дополнительных второстепенных членов предложения, произнёс стандартное и короткое:

– Шалом.

Постигнув, что новоявленный начальник отдела говорит на иврите гораздо хуже, чем он на китайском, т. е. вообще не говорит, рыжеволосый, которого величали Мартин Шварц, перешёл на вполне сносный русский язык. В этом плане Борису везло, куда бы он ни приходил,

езде ему попадались люди приемлемо говорящие по-русски. Рыжеволосый оказался начальником этого отдела, правда, уже бывшим, уходящим на пенсию. Выяснилось, что он родился и получил образование в Румынии, в которой изучение русского языка в то время являлось обязательным. И, видимо, есть бог на свете, если не дал ему забыть то, что учил несколько десятков лет назад. В течение нескольких минут Мартин уяснил, что у Бориса не существует проблемы изъясняться на иврите по причине, что он его вообще не знает. Вслух же, он широко улыбаясь, предложил следующее:

– Давайте, Борис, я пока не буду представлять вас коллективу отдела поскольку, не сомневаясь в том, что сказать вам этому коллективу есть что, совсем не уверен, сможете ли вы это выразить на иврите.

Борис покорно кивнул головой, устремив свой взгляд на портрет премьер-министра Израиля Ицхака Шамира.

– Вот, видите, даже сам премьер министр со мной согласен, – рассмеялся Мартин, перехватив его немигающий взгляд.

– Знаете что, Борис, – невесело усмехнулся он, – я, в принципе, уже нахожусь на заслуженном отдыхе и сегодня я пришёл сюда только для того, чтобы передать вам дела. Но, честно говоря, не знаю, как это сделать. Ведь вся документация, все проектно-изыскательские материалы составлены на иврите. Не могу же я каждое слово переводить на русский язык, да и кто будет это делать, когда вы останетесь в этом кабинете один.

Борис чувствовал себя маленьким зверьком, загнанным в большую клетку. Вроде бы совсем неплохо, корм не надо добывать, его приносят три раза в день, места много, есть где побегать, тем не менее, чего-то всё же не хватает. Умом он понимал, что не достаёт всего навсего какой-то мелочи – знания иврита. Эта мелочь в данной ситуации совершенно правомерно превращалась в фактор, сводящий на нет все его усилия получить работу, которую он был достоин по всем остальным предъявляемым критериям. Однако сердце Бориса, находящееся сегодня в противоречии с его умом и в дисгармонии с формальной логикой, отказывалось принимать противоречия желаемого и действительного. Мартин, по-видимому, догадываясь, что творится в душе его визави, неожиданно предложил некий компромисс:

– Сегодня, Борис, я ради вас остаюсь на работе и буду совершенно бесплатно исполнять свои прежние обязанности. Вы же, уважаемый, будете сидеть возле меня, будете слушать, смотреть, наблюдать, постигать и задавать вопросы. У нас в распоряжении восемь с половиной часов рабочего времени, времени вполне достаточного для такого инженерно грамотного человека как вы, чтобы понять или, возможно, не понять, что происходит в отделе. Согласны?

Борису ничего не оставалось, как в очередной раз, не давая монологу Мартина перейти в диалог, криво улыбнуться и неопределённо пожать плечами. Не успел он прийти в себя, как в кабинет ввалилась целая группа молодых людей, которые оказались архитекторами, составляющими генеральный план строительства нового жилого квартала. Они развернули крупномасштабные карты, что-то оживлённо обсуждая и показывая Мартину. Это стало понятно Борису только тогда, когда после их ухода Мартин объяснил ему, что архитектурное управление выдавало техническое задание отделу для топографической съёмки, необходимое для вертикальной планировки местности. Борис знал, как пользоваться картой крупного масштаба, как делать топографическую съёмку, что такое вертикальная планировка. Единственное, что он не знал, как понять пришедших архитекторов, как понять, что они хотят и как передать это своим подчинённым. Это перечёркивало как всё предыдущее, так и всё последующее. Вслед за архитекторами в кабинет вошли строительные подрядчики, которые добивались разрешения на строительство. О чём идёт речь, Борис не совсем сумел взять в толк даже после перевода Мартина. Речь шла о том, что геодезисты неправильно определили красные линии застройки и получалось, что участки строительства оказались за этой линией, что запрещено законодательством. Взамен строительной геодезии Борис изучал в институте теоретическую и практиче-

скую астрономию, небесную механику, физику земли, гравиметрию и теорию фигуры земли. А ведь когда-то друзья уговаривали его перейти с астрогеодезии на прикладную, мотивируя это практической ценностью последней. Сегодня он остро пожалел об этом. Не успел Борис перевернуть этих визитёров, как кабинет заполнила пышнотелая брюнетка. Она представляла беершевский филиал земельного управления Израиля, занимая там должность юриста. Она высыпала перед Мартином целую кучу каких-то листочков, которые были испещрены таблицами, насквозь заполненные колонками цифр. Она долго и безудержно что-то тараторила на иврите, пока Мартин не развернул перед ней карту, указывая на обозначенные там контуры. Здесь Борис при всём своём желании разобраться что к чему, даже на картографическом материале не понял ровным счётом ничего. Только, когда Мартин объяснил, что перед ним земельного кадастровая карта и что речь шла о парцелляции, т. е. о разделении земельных участков между их владельцами, Борис, осмыслив услышанное, пришёл к выводу, что здесь налицо пробел в его высоком образовании. Земельный кадастр в СССР являлся понятием теоретическим, поскольку там существовали два вида собственности на землю: государственная и колхозная, которая, по сути, тоже находилась в собственности государства. Вследствие того, что частная собственность на землю в стране Советов отсутствовала, необходимости в разделении земель не было, равно как и юридическое и геодезическое её сопровождение.

Время подходило к обеду, и Мартин пригласил Бориса пройти с ним в столовую с тем, чтобы набрать силы для продолжения рабочего дня. Вконец расстроенный и опечаленный Борис не нашёл ничего лучшего как грустно пробубнить:

– Вы уж извините меня, Мартин, какой может быть обед, когда аппетита нет ни малейшего. Это всё потому, что я потерпел полное фиаско в работе, которую уже считал у себя в кармане. Да, видимо, карман оказался маленьким. Спасибо вам за участие.

Мартин протянул Борису какой-то бланк, в котором он должен был расписаться в том, что отказывается от должности, полученной по результатам проведенного конкурса, крепко пожал ему руку и провозгласил ему то же самое, что и профессор Браверман из Техниона:

– Учите иврит, молодой человек, направьте на это все ваши усилия и, поверьте, всё у вас будет хорошо.

Борис согласно кивнул головой и мрачно прошептал про себя:

– Вот тебе, Боренька и Судный день!

Глава 6. Работа не волк

Вернувшись домой, вместо того, чтобы схватить улыпановский конспект и с удвоенной энергией взяться за изучение языка, который должен стать ему родным, Борис взялся опустошать полбутылки оставшегося после ужина бренди. Только вчера этот напиток являлся символом победы, а сегодня представлялся уже алкогольным логотипом глобального поражения. Наверняка он бы допил этот то ли символ, то ли логотип до конца, если бы ему не помешала Татьяна. Уставшая, она вернулась с врачебных курсов в надежде застать мужа в добром здравии и приподнятом настроении. Вместо этого пришлось лицезреть его бледную, измученную от несостоявшейся перспективы, покрасневшую от алкоголя, физиономию. Таня сразу всё поняла и, не задавая ненужных вопросов, тут же прониклась искренним сочувствием к Борису.

– Как же ему тяжело, бедному, перенести очередное поражение в длинной цепочке уже свершившихся провалов, – подумала она про себя.

А ведь именно сейчас ей захотелось поделиться радостью от того, что сегодня на курсе объявили результаты внутреннего экзамена, который является близким аналогом того, что должен быть в действительности. Она получила отличную оценку. Этот факт вселял большие надежды в том, что ей удастся подтвердить свою квалификацию врача. Однако Таня понимала, что сейчас не время выставлять напоказ свои успехи перед уязвленным мужем. Она догадывалась, что Бориса расстраивает и просто добивает неопровержимый факт того, что его милая жена не просто работает, тем самым кормя семью, а ещё и успевает профессионально учиться. Придав лицу беззаботное выражение, Татьяна беспечно всплеснула руками и весело прикрикнула:

– А кто это здесь выпивает, и по какому поводу, и почему без меня?

– Нам не нужно довода, чтобы пить без повода, – неожиданно для себя в рифму скаламбурил Борис.

– А, ведь, повод, дорогой Боренька, действительно есть, – торжествующе улыбнулась Таня, – и довод к нему тоже. Ты совсем забыл, что у твоей дочки сегодня день рождения.

Борис побледнел, мгновенно покрывшись пунцовой краской, и тихо пробормотал:

– Как же так, Танюша, как я мог забыть день рождения Наташки. Что-то со мною не так, надо взять себя в руки и не поддаваться панике.

– Вот это уже слова не мальчика, а мужа, – подбодрила его Татьяна.

– А я, кажется, и есть твой муж, – задорно выдохнул Борис, – и его обязанности ещё никто не отменял.

– Вот и исполняй их, как подобает настоящему мужчине, – весело рассмеялась Таня.

Несостоявшийся начальник отдела встрепенулся, быстро подбежал к жене и, крепко обняв её, чуть ли не силой потащил в спальню.

– Боренька, милый, – тщетно отбивалась от него Татьяна, – я вовсе не это имела в виду.

То, что она не имела в виду, продолжалось не менее часа. Борис и Татьяна обессиленные, но счастливые лежали, прижавшись друг к другу, на покосившейся хозяйской кровати в съёмной квартире в окрестностях израильской пустыни Негев. Борис нежно поглаживал руку любимой жены и думал, что, как ни странно, этот необременительный секс в сочетании с неостывшими чувствами любви разгрузил его тревожное состояние и даст ему силы продолжить поиски задуманного.

В Москве день рождения дочерей в семье Буткевичей традиционно и неукоснительно отмечался в ресторане. Кому-то из начальства столичного общепита пришла в голову совсем неплохая идея: в субботнее утро устраивать в ресторанах «День сладкоежки». Маленькая Наташа до сих пор цитирует слова ведущей, что открывала детский праздник в ресторане: «Очень часто говорят, дети любят мармелад, шоколадные конфеты тоже важные приметы,

торты, слойки и печенье, крем домашнее варенье, и хрустящие орешки, – они просто сладко-ежки». В этом взрослом шикарном ресторане, временно переоборудованном под детское кафе, имелись в наличии лимонадные фонтаны, дворец пломбирных фантазий, замок карамельных радостей и зефирно-мармеладная крепость. Это был настоящий детский праздник, где поедаемые сладости не только приносили удовольствие маленьким желудкам, а и создавали такую же сладостную атмосферу. Сегодня о такой атмосфере никто даже не заикался, денег на неё катастрофически не хватало, да и отыскать такой ресторан в негевской столице было невозможно, как, впрочем, в Иерусалиме и Тель-Авиве. Но традицию надо было соблюсти, если не по содержанию, то хотя бы по форме. Однако и форму найти было нелегко. Лишь в огромном торговом центре набрали на небольшое кафе-кондитерскую. Молодая официантка принесла меню, Борис долго вчитывался в названия блюд, названия которых он не мог перевести. Против каждого такого названия стояла цена. Перечень этих цен ошеломил Бориса. Небольшой кусок шоколадного торта и стакан чая с лимоном стоили больше, чем килограмм куриного мяса в супермаркете. Борис был в смятении, дефицит платёжного баланса не позволял заказать увиденное в меню. Шутка ли сказать, Наташкино угощение по стоимости тянуло на обед на всю семью. Если в прошлой жизни он делал заказ в ресторане, не заглядывая в меню, то сегодня формат затрат существенно изменился. Зарплата доцента в институте составляла 320 рублей, к этой немаленькой в СССР зарплате добавлялись ещё 120 рублей за руководство хозяйственной научно-исследовательской темой. И это при средней зарплате в стране в 150 рублей. При таком раскладе доцент Буткевич мог позволить себе если не всё, то многое из этого всего. Во всяком случае, не было никаких проблем на день рождения сводить любимую малышку в ресторан. Сейчас же Борис радовался только одному, что его не видит никто из московских знакомых. Картина складывалась неприглядная: за столиком в кафе под пальмой восседала дружная семья: Борис, Татьяна и их дочь Наташа. Перед ребёнком стоял небольшой кусок торта с оставшимися палочками бенгальских огней, которыми официантка украсила его, узнав, что за столом сидит именинница. Борис и Татьяна сидели по обе стороны от неё, молча наблюдая, как их ребёнок с удовольствием уплетает пирожное, запивая обыкновенным чаем. Печальнее всего, что именно этот, а не московский день рождения маленькая Наташа запомнит на всю жизнь. Через пятнадцать лет, в день своей свадьбы, она со слезами на глазах скажет Борису:

– Папочка, а ты помнишь моё восьмилетие в кафе в Беер-Шеве, помнишь, как здорово было.

Борис помнил эти именины ещё и потому, что именно в этом маленьком кафе он поклялся себе, что свернёт любые горы лишь бы не допустить такого безденежья, такой неопределённости в статусе и такого отчаяния, до которого он довёл себя тогда.

Горы, которые надо было покорять и сворачивать, не замедлили проявиться уже на следующий день. Продавец бакалейной лавки, где Борис отоваривался сигаретами, несколько дней назад спросил, кто он по профессии. И вот сегодня этот скромный и добродушный бакалейщик скороговоркой выпалил ему:

– Слушай, Борис, ты же знаешь, работа не волк, в лес не убежит, надо только отыскать место, откуда она не сможет исчезнуть. Я, кажется, нашёл для тебя это место. Мой сосед, он геодезист, я ему говорил о тебе. Он желает с тобой переговорить.

С этими словами он протянул ему клочок бумаги с адресом места работы соседа. Уже буквально через полчаса Борис входил в геодезическую контору, которая помещалась в двухкомнатной квартире обыкновенного жилого дома. В салоне здесь размещались два письменных стола с компьютерами, огромный графопостроитель для автоматического вычерчивания планов и карт и книжные шкафы, заваленные техническими документами, картами различных масштабов и строительными чертежами. Вторая комнатка, бывшая спальня, служила рабочим кабинетом хозяину фирмы. В ванной комнате, в которой купальная кювета была выброшена за ненадобностью, размещались теодолиты, нивелиры, красно-чёрные шашечные рейки,

бело-красные вехи, штативы и другой геодезический инструментарий. Взирая на эти геодезические приспособления, Борис вспомнил вдруг свою производственную практику в Бакинском предприятии Главного управления геодезии и картографии СССР. Таких предприятий в стране было всего шестнадцать. Все они были строго засекречены. Под расписку о неразглашении ему дали адрес: Баку, проспект Нариманова, 80. Он без особого труда отыскал проспект Нариманова, дом 80 тоже обнаружился легко. Только вот незадача, это был обыкновенный жилой дом с двумя подъездами. Борис не менее часа крутился вокруг этого дома по всему его периметру, но так и не смог отыскать то, что с большой буквы на бумаге именовалось Геодезическим Предприятием. Неизвестно сколько времени он бы ещё прокрутился на этом проспекте, если бы к одному из двух подъездов не подъехал грузовик. Когда борта его приоткрыли, Борис как раз и увидел там те самые бело-красно-чёрные вехи и рейки для геодезических измерений, сообразив тем самым, что он находится в нужном месте. Кто же мог подумать, что засекреченное предприятие занимает нижний этаж шестиэтажного дома. В Беер-Шеве всё было гораздо проще, на квартире № 2 первого этажа красовалась причудливая медная табличка с надписью «Инженер-геодезист Бени Арад». Интервью с Бени заняло ровно две минуты. Борис без труда сумел понять, что ему предписано завтра в шесть утра быть на месте, и он с ещё двумя работниками поедут на полевые работы. Так оно собственно и произошло.

На следующий день его усадили в старенький, видавший виды, «Форд», который проехав около полусотни километров, остановился возле огороженной в пустыне территории. За забором оказался котлован, который вырыли, судя по его размерам, для строительства объёмного сооружения. Сопровождавшие Бориса работники оказались арабами. Об этом нетрудно было догадаться по цветастым куфиям, которые покрывали их головы. Борис ещё не знал, что арабы, проживающие в еврейском государстве, делятся на израильских арабов и арабов из палестинских территорий. Израильские арабы являются полноправными жителями Израиля, имеют политическое право голоса, право на социальное и медицинское страхование, могут свободно исповедовать ислам, свободно передвигаться по стране и учиться в университетах Израиля. Разумеется, что арабы, живущие на территориях, такими правами не обладают. Азам и Натур оказались арабами из Израиля и показались Борису неплохими ребятами. Они угостили его крепко заваренным кофе и как бы, между прочим, поинтересовались его образованием. Борис уже находился в стадии понимания «уличного» иврита и кратко отвечал на вопросы ребят. Он не смог не обратить внимания, как потускнели их взгляды, когда они узнали, что он обладает не только второй, а ещё и третьей учёной степенью по геодезии. В тоже время Борис не догадывался, что арабы, которые имели первую степень престижного Техниона, сразу почувствовали в нём опасного конкурента. Для любого человека хорошо оплачиваемая постоянная работа это – благо. Что же касается арабского населения, это не только благо, это и достаток, и обеспеченность и, если хотите, даже процветание и даже состоятельность. Недолго думая, Азам подмигнул Натуре и, подозвав к себе Бориса, весело промолвил:

– Значит так, Борис, будем делать топографическую съёмку площадки под строительство. Я буду стоять у теодолита, Натур будет ставить рейку, где я ему укажу, ну а ты будешь мне записывать результаты измерений в полевой журнал.

Не успел Борис оглянуться, как Азам стал диктовать ему отсчёты по шкалам прибора, причём строчил он их с такой скоростью, что опытный пулемётчик мог бы ему позавидовать. Диктовка производилась примерно в таком формате: горизонтальный угол – триста двадцать восемь градусов пятьдесят шесть минут тридцать девять секунд, вертикальный угол – восемьдесят восемь градусов двенадцать минут десять секунд, расстояние – тридцать пять метров двадцать три и четыре десятых сантиметра, высота наводки – один и двадцать пять сотых метра. За рабочий день Азам взял более полутысячи таких отсчётов. Понятно, что мириады этих цифр произносились на иврите, да если бы даже они проговаривались на русском языке, вряд ли бы Борис успевал бы их записать. Через несколько минут этого издевательства, Азам

небрежно оттолкнул его в сторону и приказал ему носить измерительную рейку. А это уже являлось не столько издевательством, сколько форменным надругательством над образованием Бориса и глумлением над его самолюбием. Ведь измерительную рейку в экспедициях таскали рабочие самой низкой квалификации. Чуть ли не закономерный итог его первого и последнего рабочего дня прозвучал в голосовом резюме Бени, который довёл до его сведения, что он не берёт его на работу по причине полного незнания геодезических приборов. Тех самых, надо сказать, приборов, с которыми Борис успешно работал на таёжных просторах Сибири и тундровой полосе заполярной Чукотки. Так уж получится, что Борис встретится со своим однодневным хозяином через шесть лет и тот расскажет ему, что арабы оговорили его, сообщив, что Борис не имеет элементарных навыков работы с геодезическими приборами. Надо отдать должное инженеру Бени Араду, что он оплатил Борису отработанный рабочий день, выписав ему чек на сумму, составляющую сто десять шекелей. На эти деньги Татьяна купила Наташеньке недостающие школьные принадлежности.

Борис по натуре был самодостаточным и здравомыслящим человеком. Он хорошо понимал, что в объективных реалиях всё скомпенсировано, полоса неудач обязательно должна прерваться светлыми очертаниями, которые материализовались в утреннем заливчатом телефонном звонке. Борису показалось, что он был насыщен каким-то весёлым тембром, поэтому, он, отставив в сторону чашку с утренним кофе, поспешил снять телефонную трубку. В ней послышался уверенный женский голос, который жизнерадостно возвестил:

– Алло, это Борис Буткевич? Вас беспокоят со службы трудоустройства. Если вас ещё интересует работа инженера-геодезиста, попрошу немедленно приехать к нам.

Он тут же вспомнил, что месяц назад оставлял свои данные в этой службе. Опытные люди говорили ему, что эффективность работы этого трудоустроительного заведения крайне низка. А тут вот получается, что, кажется, чтоб не сглазить, сработало. Как оказалось впоследствии, действительно, получилось. Буквально через полчаса тот же самый телефонный голос, вложенный в уста очаровательной брюнетки, к тому же ещё и говорящей на русском языке, радостно сообщил:

– Поздравляю вас, Борис, похоже, что у вас будет работа, тут один солидный работодатель очень заинтересовался вашим резюме.

Борис сердечно поблагодарил девушку, пообещав засыпать её ноги цветами, если всё сбудется, и помчался домой, зажав в руке визитную карточку хозяина фирмы. Таня, к его счастью, оказалась дома, и они вместе стали составлять текст разговора с работодателем, не забывая при этом записывать ивритские фразы русскими буквами. Словно перед боем, выкурив сигарету, Борис дрожащими пальцами набрал нужный номер. Для страховки Татьяна прослушивала разговор по параллельному аппарату, чтобы при необходимости подкорректировать мужа. После серии протяжных гудков в трубке послышался басовитый мужской голос:

– Геодезическая компания «Максимум» слушает.

Не успел Борис прикинуть про себя, что ничего себе фирма, если работает по максимуму, то ли предоставляемых услуг, то ли по своей производительности, как тот же голос нетерпеливо пробасил:

– Говорите, вас внимательно слушают.

Борис, как мог, представился и на корявом иврите сообщил, что он ищет работу геодезиста и в службе трудоустройства ему дали этот телефон.

– О кэй, господин Буткевич? – ответили на другом конце провода, – дело в том, что моя компания базируется в Тель-Авиве. По оказии завтра я буду в Беер-Шеве, и чтобы вы не преодолевали стокилометровое расстояние туда и назад, давайте встретимся в центре города возле кафе «Кипарис» в полдень. Не забудьте захватить с собой документы. До встречи!

Ровно в двенадцать пополудни, когда полоска тени исчезла с центрального городского проспекта, Борис стоял возле кафе «Кипарис», действительно, расположенного в кипарисо-

вом просвете, отвоёванного у белесого тротуара. Из-за столика, покрытого красной скатёркой, поднялся высокий мужчина, одетый в нарядные светлые брюки и голубую рубашку, и помахал Борису рукой. Это и был хозяин геодезической компании «Максимум». Подходя к столику, Борис успел подумать про себя:

– Этот вальяжный, со вкусом одетый, холеный мужчина меньше всего напоминает мне геодезиста.

В его представлении, и это было правдой, геодезисты являли собой мужественных волевых людей, с обветренными и загорелыми лицами, а не ухоженных с аккуратно подстриженными усами мужчин. Как потом оказалось, Борис был недалёк от истины. Игаль Дотан, так звали хозяина фирмы, не имел геодезического образования, что не мешало ему открыть совсем не маленькое, по израильским масштабам, инженерное предприятие, в котором работало около полусотни работников. Оказывается, в Израиле хозяин не обязательно должен быть специалистом, ведь буквально через несколько дней Борис познакомится с руководителем крупной зубоврачебной клиники, который в своё время окончил строительный техникум. В компании Игаля Дотана трудилось двенадцать полевых бригад, каждую из которых возглавлял квалифицированный инженер-геодезист. Чуть позже Борис узнает, что руководитель одной из бригад эмигрировал в Канаду (оказывается в Израиле не только приезжали, а и выезжали из него) и освободившееся место предназначалось для него. Хозяин компании протянул Борису свою мягкую руку и не без пафоса воскликнул:

– Говорят, точность вежливость королей. Заметно, что человек прибыл из Европы, а не с азиатских просторов. В Израиле в подавляющем большинстве приветствуется восточная ментальность. А Восток, как известно, дело тонкое.

Борис далеко не всё понял в непростой тираде Игаля, однако тот, не давая ему опомниться, продолжал:

– Тонкое, не тонкое, но посредством вашей миллионной армией репатриантов мы будем двигаться на Запад, а пока, Борис, давайте посмотрим ваши документы.

Борис протянул ему диплом о получении квалификации инженера астрономогеодезиста в Московском институте инженеров геодезии и картографии, диплом о присвоении учёной степени кандидата технических наук, аттестат присвоении учёного звания доцента, а также уже израильские свидетельства члена инженерной гильдии страны и третьей учёной степени доктора наук. В дополнение он предоставил переведенную на иврит трудовую книжку, из которой следовало, что её предъявитель являлся не только преподавателем и научным сотрудником, а успел поработать также рядовым инженером на полевых геодезических работах. Игаль молниеносно просмотрел документы, его взгляд едва задержался на бумагах, свидетельствующих об учёных степенях, и буквально на полминуты приостановился на трудовой книжке. Бросив недоумённый взгляд на Бориса и, перестав улыбаться, он, неожиданно понизив голос, процедил:

– Ты, Борис не в Гарвард и не в Кембридж на работу поступаешь, а на чисто практическую работу в непростых полевых условиях израильского солнцепёка, поэтому скажи-ка лучше, умеешь ли ты работать с дистоматом?

В СССР прибор под таким названием в геодезическом обиходе не значился. Борис скорее догадался, чем понял, что речь идёт об инструменте, призванном измерять расстояния на местности. Лишь по прошествии некоторого времени он узнает, что слово «дистомат» в Израиле носило сленговую окраску, на самом деле он являл собой многофункциональный измерительный прибор, представляющий собой электронный теодолит на компьютерной основе. Советский Союз, который в то время запускал спутники с космонавтами и, как говорят, даже в области балета был впереди планеты всей, относительно современной геодезической техники скромно плёлся в хвосте той же планеты. Исходя из этого, бывший доцент головного геодезического ВУЗа страны электронного теодолита никогда не видел. В данной ситуации Борис

хорошо понимал, если он скажет, что никогда не работал на этом приборе, то, по совершенно понятным причинам, ему откажут в приёме на работу. Борис был воспитан в духе неприятия обмана, хитрости и фальши. С другой стороны логический склад ума как бы закулисно нашёптывал ему:

– Боря, в пограничных обстоятельствах следует быть более гибким. Теодолит, он ведь, и в Африке теодолит. Зрительная труба, горизонтальный круг, уровни, геометрические оси – всё то же самое, только электроникой начинено. Никуда не денешься, разберёшься.

Полуминутное размышление неожиданно для самого Бориса вслух выразилось небрежной и чуть ли не мажорной фразой:

– И дистоматом тоже приходилось работать.

После чего Игаль, аккуратно сложив документы Бориса в конверт, торжественно объявил:

– Ну, раз так, то с завтрашнего дня начинаешь работать в моей фирме в должности руководителя группы. Надеюсь, что всё будет хорошо, и мы сработаемся.

Молоденькая стройная девушка-официантка, мило улыбнувшись, поставила перед ними два красненьких подноса, на которых из такого же цвета чашечек дымился кремового цвета капучино, приготовленный на основе эспрессо с добавлением сладкой молочной пенки. По неизвестной причине этот кофе в дословном переводе с иврита называли «обратный кофе». В данном случае для Бориса не имело никакого значения прямой этот напиток или полярный. Важно, что он был приятный и вкусный, а ещё важнее, что перед ним открылись очередные ворота для въезда на рынок труда.

На следующий день в шесть утра, как и было договорено, к дому Бориса подъехал «Рено пикап», который и повёз его на объект. Объект представлял собой окраину небольшого городка Офаким, расположенного в сердце негевской пустыни, у которой был украден квадрат со стороны, равной одному километру. Воочию этот квадрат являл собою бездыханный и выгоревший под жгучим солнцем каменистый грунт, на котором по замыслу архитекторов должен быть воздвигнут новый жилой квартал с прилегающей к нему инфраструктурой. В одном из углов этого виртуального абсолютно пустого квадрата белел фанерный барак, внутри которого во всех видимых плоскостях выглядывали полки, заваленные строительными чертежами, картами, схемами и журналами измерений. Под полками громоздился стол, больше похожий на верстак, чем на конторский инвентарь, предназначенный для инженерных расчётов. Когда Борис зашёл в этот барак, который почему-то называли караваном, он не сразу заметил небольшого роста лысоватого мужчину. При виде нового работника он торопливо приподнялся и, щурясь от бивших прямо в глаза солнечных лучей, ворвавшихся через приоткрытую дверь, чуть ли не подбежал к Борису и, протянув ему руку, сердито выкрикнул:

– Иосиф, будем знакомы.

Не давая Борису опомниться, Иосиф, приподнявшись на цыпочки и заглядывая ему прямо в глаза, грозно спросил:

– Ты, в самом деле, приехал с России?

Это потом старожилы Израиля привыкнут, что в качестве репатриантов из СССР к ним прибыли культурные, в подавляющем большинстве своём, образованные и интеллигентные люди. А поначалу они смотрели на русских евреев как на людей, прилетевших с другой галактики. Что же касается женщин, в большей степени это касалось обладательниц белых и русских волос, то все они без исключения считались проститутками. Какая-то доля правды в этом присутствовала, так как представительницы самой древней профессии из России, действительно, разрушили этот нелегальный бизнес тёмных еврейских девушек, корни которых уходили в Марокко, Йомен или Ирак, заняв в иерархии торговли женским телом первые места. Однако, справедливости ради, эти русские жрицы вряд ли составляли больше, чем сотые процента от числа всех приехавших из СССР женщин. Понятно, что Борис в глазах Иосифа не примыкал

к категории проституток. Иосиф родился в Болгарии и в отличие от выходцев из восточных общин не думал, что в российских городах по улицам прогуливаются медведи. Зато он безоговорочно верил, что все, без исключения, русские евреи пьют водку в чудовищных количествах. Это уже потом ему расскажут, что многие чисто русские или украинские девушки стремились выйти замуж за еврейского юношу хотя бы за то, что он вообще не выпивал алкогольных напитков и, как следствие этому, приносил всю зарплату домой, не избивая при этом жену и детей. Но об этом Иосиф узнает потом, а сегодня он, призывно глядя на Бориса, спросит его:

– Скажите, пожалуйста, вы водку пьёте?

Борис вздрогнул от неожиданного вопроса. Всё выглядело как-то нелепо, вместо того, чтобы поинтересоваться, какие виды работ он может исполнять или выдать задание на сегодняшний день, его спрашивают, потребляет ли он спиртные напитки. Ну не будет же он растолковывать Иосифу, что водку он, мягко говоря, не пьёт, а предпочитает рюмку хорошего коньяка. Кроме того, выстроить такую фразу на иврите для него было бы непросто. Поэтому, на минуту задумавшись, он с трудом сконструировал ответ:

– Я пью, Иосиф, только по праздникам.

На что тот, ни на минуту не задумавшись, скаламбурил:

– А вы знаете, Борис, у нас в Израиле каждый день праздник.

С этими сакраментальными словами Иосиф резко вытянул правую руку к противоположному краю стола. Только сейчас Борис заметил, что там покоилась удлинённая матовая бутылка с красивой этикеткой «FINLANDIA». Иосиф, переводя взгляд с бутылки на Бориса, а затем в обратном направлении, ловким движением фокусника достал из ящика два пластиковых стаканчика. Раздались аплодисменты, кто-то громко хлопал в ладоши. Борис обернулся, он и не заметил при входе в караван, что позади него на стульях сидят трое чернявых молодых людей, которым было суждено стать его рабочими и помощниками. Ребята с нетерпением ждали продолжения спектакля, режиссёром которого являлся Иосиф, который, на самом деле, являлся не представителем какой-то богемы, а руководителем геодезических работ на этом объекте. Богемный геодезист тем временем привычным жестом откупорил водочную бутылку и наполнил стаканчики, один из которых протянул Борису. Новоиспечённый работник попал в непростую ситуацию. Кто бы мог подумать, что здесь в Израиле, в стране, где 90 процентов населения не знают вкуса спиртного, первый рабочий день придётся начинать с алкогольного возлияния. Если бы этот эпизод происходил в России, то понятно, что отказ от выпивки означал бы тотальное неуважение к собутыльнику или, ещё больше, на отказнике было бы поставлено вечное и нестираемое клеймо человека, которого надо остерегаться. Но в том то и дело, что события развёртывались в северной части еврейской пустыни Негев. Конечно же, Борису не представляло особого труда одним залпом осушить предложенный ему тридцатиграммовый стопарик. Но термометр при входе в караван показывал тридцать восемь градусов, и это в семь часов утра. Но не это являлось главным: Борису очень не хотелось идти на поводу у кого-либо, пусть даже у своего будущего начальника. Тем временем, Иосиф выжидающе смотрел на него и, увидев, что Борис не собирается брать в руки стопку, ухмыльнулся и не без издёвки спросил:

– Скажи мне, пожалуйста, ты, в самом деле, из России?

Не дождавшись ответа, он язвительно заключил:

– Нет, Борис, похоже, что ты приехал не из России, а из какого-нибудь Кувейта, где живут одни мусульманские трезвенники.

Борис и на этот раз счёл за благо промолчать, а Иосиф, как залихватский забулдыга из российской глубинки, коснулся своим стаканчиком стопки Бориса и со словами «Барух аба, Борис, лехаим!» выпил свою дозу качественной финской водки. Микротост, произнесённый Иосифом, в русской транскрипции звучал как «Добро пожаловать, Борис, твоё здоровье!». Иосиф счёл за должное повторить свою краткую здравицу в честь новоприбывшего и осушить при этом вторую стопку. Ребята, сидевшие при входе, громко зааплодировали, видно это вхо-

дило в утренний ритуал, а Иосиф, закусив выпитое куском хлеба с намазанным на нём хумусом, подозвал к себе Бориса и развернул перед ним карту. Он долго и детально объяснял ему, вставляя изредка в ивритские фразы русские слова (похоже, что в социалистической Болгарии, где он родился, тоже изучали основы русского языка), какие измерения надлежит сделать за сегодняшний день. С Бориса сошло, должно быть, не семь, а все четырнадцать потов, и, видимо, не столько от жары, сколько от огромного напряжения понять, что растолковывает ему Иосиф. Когда он закончил, Борис был вне себя от радости: он постиг практически всё, что говорил ему начальник. Это была уже маленькая победа. Исполнение инженерного задания, указанного начальником, являлось уже делом техники. Однако, составной частью этой техники являлся электронный геодезический прибор под пресловутым названием «дистомат», который Борис не видел даже во сне и на котором, как он заверил хозяина, работать у него нет никаких проблем. Как бы там ни было, помощники усадили его в то же «Рено» и повезли к месту дислокации, где предстояло вынести в натуру (на местность) оси проектируемых дорог. Во время поездки он познакомился с ними. Высокого темнокожего атлетически сложенного парня, родители которого в своё время приехали в Израиль из Ирана, звали Самир. Другого пониже ростом загорелого коренастого крепыша величали Моше, родственные корни этого помощника Бориса происходили из Египта. Третий, светловолосый, не похожий на своих друзей, совсем молоденький юноша с величественным именем Ричард переселился в еврейское государство из Аргентины. Налицо был полный Интернационал иудейского происхождения, возглавить который предстояло коренному москвичу Борису Буткевичу.

Тем временем Рено притормозил у какого-то дерева, похожего на саксаул. Ребята выпрыгнули из машины, а Ричард вытащил из багажника пластмассовый ящик ярко-оранжевого цвета. Оказалось, что именно в нём и размещался этот самый дистомат. Борис перехватил у Ричарда дистомат и привычным движением при помощи станкового винта прикрепил его к штативу, услужливо и во время подставленному Самиром.

– Похоже, что мои помощники знают своё дело, – подумал Борис, осматривая неизвестный ему оранжевого цвета прибор.

– В принципе самый что ни есть обыкновенный теодолит, – отметил он про себя, – только красивее советских, недаром в Японии сделан. Единственное новшество это – навороченный на лимбе миникомпьютер с зеленоватым дисплеем.

Но именно электроника и являлась в данном случае притчей в языцах. Борис беспорядочно нажимал на какие-то кнопки этого устройства, но маленький монитор лишь издевательски подмигивал ему едва заметными красноватыми отблесками. Бывший доцент находился в состоянии, близком к отчаянию.

– Это же надо так опозориться, – тревожился он, – надо начинать измерения, а прибор предательски препятствует этому.

На самом деле, сопротивлялся, конечно же, не инструмент, а просто незнание простого электронного алгоритма, неосведомлённость в каком порядке какие кнопки нажимать. Это просто большая удача, что рядом нет хозяина Игаля или Иосифа. Эти бы точно хохотали бы со словами:

– Вот приезжают тут инженера из Советского Союза с купленными дипломами, а потом не знают с какой стороны подойти к обыкновенному измерительному прибору.

Надо было срочно что-то предпринимать. Его работники настроенно смотрели на него, не понимая, чего он ждёт, а он тупо всматривался в жёлтый ящик, из которого вытащили дистомат. Неожиданно для себя Борис заметил, что на дне этого раскрытого ящика горячий ветерок развевал какую-то синюю брошюру. Он не поленился достать её и обнаружил, что эта было не что иное, как инструкция для пользователя. В данный момент эта обретение было сопоставимо разве что с находкой Робинзона Крузо на необитаемом острове, когда он нашёл ящик корабельного плотника, который бы не отдал бы и за корабль, наполненный золотом. Несмотря

на то, что руководство было составлено на английском языке, Борис с помощью рисунков и чертежей в течение получаса разобрался в алгоритме измерений. Настроение тут же быстро поползло к плюсовой отметке, и он сразу же приступил к измерениям. Однако и тут его ждали подводные рифы, хотя воды в радиусе пяти километров видно не было. У него, как и помощников, были радиотелефоны, работающие в километровом диапазоне, который позволял ему оперативно отдавать ребятам необходимые распоряжения. Но не тут было, снова начались языковые проблемы. Ну, казалось, что может быть проще, чем сказать работнику, стоящему с отражателем в пятистах метрах от тебя, что ему надо перейти по направлению к тебе примерно на двадцать метров. Но выстроить на иврите простую фразу:

– Самир, пожалуйста, продвись на меня на двадцать метров, – было выше как физических, так и духовных сил Бориса.

Он потел не только от сорокаградусной жары, он парился, прежде всего, от бессилия руководить своими работниками на иврите. Борис нервничал, психовали и его помощники от того, что не понимали руководителя группы и поэтому двигались не в ту сторону и, как следствие, им приходилось в этом пустынном пекле возвращаться, преодолевая по скалистому грунту двойное расстояние. В конце концов, Борису удалось решить и эту проблему, разработав вместо слов «вперёд, назад, направо, налево» систему жестов, указывающих направление движения.

Время до обеда пролетело, как одна минута. Тонкая хлопчатобумажная рубашка Бориса напоминала влажное полотенце после стирки в кипящей воде, трусы буквально прилипли к пятой точке, как казалось, на всю оставшуюся жизнь, голова сильно кружилась, а перед глазами мелькали какие-то розовые кружочки. За пять часов работы Борис не выпил не грамма воды, хотя ребята неоднократно предлагали ему. Когда он вошёл в караван, Иосиф с первого взгляда понял, что его новому работнику угрожает обезвоживание. Он вытащил из шкафчика небольшую солдатскую флягу, наполнил её водой из трёхлитровой бутылки и прошептал Борису на ухо:

– В израильской армии каждый солдат на утреннем построении должен перевернуть флягу горлышком вниз, чтобы продемонстрировать командиру, что в ней присутствует вода. А ты, Борис, должен сейчас сделать в точности, наоборот, повернуть флягу вверх и выпить воду.

Борис согласно кивнул головой и отпил несколько глотков. Иосиф коснулся его подбородка, чуть приподняв его вверх, и гневно прокричал:

– Бог простит, Борис, что «Финляндию», предложенную мной, ты пить не захотел. Но воду не менее литра выпить сейчас ты просто обязан, если, конечно, не захочешь через час оказаться в реанимационном отделении израильской больницы.

– С больницей знакомиться не желаю, – промямлил Борис, снова прикоснувшись к фляге.

– Ну, вот и правильно, – похвалил его Иосиф, – знакомиться надо с красивыми женщинами, и запомни, дорогой, что в Израиле ты не должен, а просто обязан, как минимум, выпить два литра воды.

Борис вдруг вспомнил, что ранним утром перед покорением покрытой ледниками вершины высотой более шести километров в горах Памира, бывалые альпинисты настоятельно рекомендовали во время чуть ли не дневного восхождения не брать в рот не капли воды. А тут в Израиле выходит каждые полчаса даже, когда не хочется пить, надо заливать в своё нутро живительную влагу. Придя через четверть часа в себя, Борис заметил, что его подчинённые достали из сумок свёртки, в которых находились бутерброды. Он тут же вспомнил, как проводя его на первую работу, Татьяна, вложив в пакет какую-то снедь, весело изрекла:

– Сдаётся мне, что в пустыне Негев, ещё не додумались открыть кафе и рестораны, поэтому, Боря, я тут тебе приготовила всякую всячину.

Всячиной оказалась круглая, слегка поджаренная пита, внутренность которой Татьяна наполнила разными овощами, соленьями, варёной колбасой и скандинавским сыром. Борис

почувствовал приятный запах съестного, притуплённый ранее обезвоживающим эффектом пустынного региона. Он жадно набросился на еду. Вдруг он заметил, что Самир и Моше, почему-то подталкивая друг друга в спину, недоумённо смотрят на него. Перехватив их не то огорошенные, не то угрожающие взгляды, Борис понял, что смотрят они не столько на него, сколько на питу, из которой выглядывали аппетитные кусочки крупно нарезанной свиной буженины вперемежку с желтоватыми пластинами прокопчённого сыра. Самир, не отводя взгляда от питы, подошёл к Иосифу и что-то прошептал ему на ухо, после чего последний, обратился к Борису:

– Ты уж извини меня, Борис, но у себя дома ты можешь поесть всё, что только твое душе заблагорассудится. Но в Израиле существуют определённые правила, даже не то, чтобы правила, а, можно сказать, запреты.

– Я что-то не так делаю, – поинтересовался оживший Борис, не отрываясь от своей пикантной питы.

– Послушай, дорогой, – назидательно продолжил Иосиф, – ты нарушил сразу два вето. Первый из них: в Торе провозглашён запрет на употребление свинины. Понимаешь, хоть это и не совсем так, но в еврейской культуре свинья считается грязным или, как говорят, некошерным животным.

– А что же это за второй запрет, – спросил Борис, опуская свою злополучную питу в сторону.

– Второе табу, – язвительно усмехнулся Иосиф, – это не что иное, как разделение всех продуктов животного происхождения на мясные и молочные, совместное употребление которых строго запрещается.

– Теперь всё понятно, – покраснел Борис.

– Не думаю, дорогой, что тебе всё ясно, – заключил Иосиф, – что касается меня, то можешь запивать свою свинину свежим молоком. Но возле тебя сидят твои рабочие, ты, наверное, не обратил внимание, что у них на голове.

Борис перевёл взгляд на своих помощников и вдруг увидел, что их головы прикрыты кипой, традиционным еврейским головным убором, непредвзято указывающим на их религиозную сущность. Он невнятно пробормотал: «хаверим, слиха», что означало, что он просит прощения за допущенную бестактность. Самир шуточно погрозил ему указательным пальцем, а Моше приветливо помахал ключом зажигания от машины, приглашая тем самым продолжить полевые измерения.

День пролетел незаметно. Вернулся домой Борис до того вымотанным, что отказался от ужина. Он, даже против обыкновения, не поинтересовавшись, как прошёл день у Татьяны и дочерей, тут же завалился спать. Просто счастье, что следующий день оказался «шаббатом» (субботой), так как проснулся Борис ровно в полдень. Он никогда бы не подумал, что жара может так изматывать. Ведь приходилось выполнять измерения даже в Заполярье, где было жутко холодно, ветер пронизывал до самых костей, обмораживались уши, плевки, не успевая долететь до земли, превращался в ледышку. Несмотря на всю эту жуть, он никогда так не уставал, как вчера от этого пекла. Да и от холода, хоть частично, можно было спастись утеплённым одеянием. От зноя спастись было невозможно ни при каких обстоятельствах и никакими подручными средствами. К нему надо было просто привыкнуть. Горячие мысли Бориса перебила Татьяна.

– Ну что, Боренька, выспался, похоже, досталось тебе вчера на орехи, – смешливо заверещала она, – ты так и не рассказал, как прошёл твой первый рабочий день на земле обетованной.

– Было не холодно, – успокоил её Борис, – а досталось мне не только на орехи, а даже на шампанское с мороженым. Говорят в день, я буду получать около ста шекелей.

– Да мы теперь почти миллионеры, – радостно воскликнула Таня, – это ведь в два с половиной раза больше, чем моя зарплата в супермаркете.

– Получается, что так, – амбициозно подтвердил Борис, – потирая обожжённое солнцем плечо.

– Ну, если так, – обрадовалась Таня, – то немедленно беги за шампанским, мы с тобой сегодня идём в гости.

– Какие ещё гости, Танюша, – жалобно заныл Борис, – мне надо отдохнуть.

– Наотдыхался уже, муженёк, – воспротивилась Таня, – пора уже на люди выходить, хватит уже вариться в собственном соку.

Глава 7. Уезжают русские евреи

К вечеру Татьяна с Борисом уже переступали порог небольшого патио, который снимали Аркадий и Нина, обучавшиеся с Татьяной на курсах. Он представлял собой крошечную двухкомнатную лачужку, изюминкой которой являлся внутренний дворик, вымощенный керамической плиткой. Над двориком красовалась цветастая пергола, вдоль которой вились виноградные лозы. Поперёк всего этого были высажены небольшие деревца с растущими на них лимонами и гранатами. Таня незаметно подтолкнула Бориса в бок и прошептала ему на ухо:

– Боря! Ты только посмотри какая экзотика! Я тоже хочу такую.

Не успел Борис ответить ей, как радушные хозяева пригласили их к покрытому зелёной скатёркой журнальному столику, приютившемуся в центре двора. На столике стояли несколько вазочек со средиземноморскими фруктами, розетки с арахисовыми и миндальными орешками, раскрытая коробочка конфет и пустые бокалы, к которым Борис присовокупил бутылку купленного шампанского. Аркадий представил ему ещё одну пару, которая уже сидела за столом: это были Семён и Лариса. Аркадий поставил на стол какую-то зелёную бутылку без этикетки и, заметив вопросительный взгляд Бориса, как бы ответил ему:

– Мы летели в Израиль через Будапешт, там я и получил этот маленький презент от венгра, своего бывшего пациента, которого несколько лет назад благополучно прооперировал у себя в больнице в Москве, удалив ему раковый полип в толстой кишке.

– Извини меня, Аркадий, – рассмеялся Борис, – но в данный момент меня больше интересует, что находится внутри этой бутылки, чем то, что помещалось в толстой кишке у твоего пациента.

– Вполне релевантный вопрос, – весело отпарировал Аркадий, – отвечаю: в этом зелёном флаконе помещается венгерская водка под жгучим названием «Палинка» крепостью около шестидесяти градусов.

Заметив боковым зрением, что Борис недовольно поморщился, в разговор вклинился Семён:

– Знаете, мужики, с учётом стресса, который мы все сейчас испытываем на святой земле, возможно, этот эксклюзивный напиток внесёт хоть какое-то просветление в наши, забытые привыканием к новой жизни, головы.

– У тебя, Семён, – возразил ему Борис, – наверное, имеется огромный опыт в этом деле.

– Ещё какой, – подтвердил он, – я работал врачом-реаниматологом в военном госпитале в Ленинграде. За ночное дежурство иногда приходилось восстанавливать жизненные функции, а если по-простому, то откачивать от инфаркта сразу нескольких больных. Потом же приходилось откачивать самого себя, и в этом святом деле мне всегда помогала внутренняя стограммовая инъекция чистого спирта.

– Делу время – потехе час, – прервал всех Аркадий, разливая дамам шампанское, а джентльменам палящий напиток в небольшие рюмки, – и давайте, потехи ради, выпьем за удачную абсорбцию на земле, которую принято называть обетованной.

Все дружно чокнулись своими стопками и в один присест опустошили их содержимое. У Бориса созревало и крепло ощущение, что к концу вечера компания не только споётся, а ещё и сопьётся. Так оно и случилось, только не концу встречи, а уже к её середине. Порукой тому, профессиональная общность: Татьяну, Аркадия и Семёна объединяла клятва Гиппократова, а Нину и Ларису – торговая сеть. Нина работала заведующей секцией мужской одежды в московском, известном на всю страну, ГУМ (е), а Лариса – товароведом в, не менее, известном, ленинградском универмаге Гостиный двор. Только Борис со своим инженерным образованием как бы не очень вписывался в этот клановый врачебно-торговый пятиугольник. Когда после четвёртого тоста рвущаяся наружу ностальгия прорезалась в вокале «Слушай Ленинград, я

тебе спую задушевную песню свою», переходящий в напевные слова «Как мне дороги подмосковные вечера», Семён, резко отбросив в сторону гитару, прорычал:

– И какого только чёрта мы приехали на этот азиатский край света, в эту жёлто-ядовитую пустыню с наших европейских цивилизаций.

Ему вторила вальяжная пышнотелая, похожая на мадам Грицацуеву, его жена Лариса:

– Мы потеряли наш высокий статус, стабильную работу, прекрасную квартиру на Фонтанке.

Заунывную тональность Ларисы продолжила Нина, которая, срываясь на фальцет, проверещала:

– А этот, режущий мой музыкальный слух, гортанный иврит, который я никогда не выучу и эти невоспитанные люди, которые не говорят, а орут, как сумасшедшие.

– Да всё у них, как ни у людей, – снова вмешалась в разговор Лариса, – читают, видите ли, справа налево, работают в воскресенье, новый год встречают не первого января, а в сентябре, причём дата каждый год меняется.

– Да уж, от этого языка у меня прямо в глазах темнеет, – согласился Аркадий, – прямо не знаешь, с какой стороны книжку открыть, а эти иудейские иероглифы просто вызывают интоксикацию всего организма.

– Интоксикация, дорогие эскулапы, это надо понимать заражение, – не выдержал Борис, – интересно, чем же? Да, что вы и в, самом деле думаете, что вам всё одноразово на блюдечке с голубой каёмочкой должны преподнести. Не существует, господа, в объективной реальности такой идеальной посуды.

– Ишь ты, как заговорил, – возмутился Семён, – а ты хоть на минуту представляешь себе, что такое эти унижительные поиски работы, когда в каждом месте тебе дают от ворот поворот.

– Да уж кто-кто, а он пережил это на собственной шкуре, – заступилась за него Татьяна, – однако, тем не менее, всё-таки нашёл работу и даже по специальности.

– Да чёрт с ней с этой работой, – чуть ли не взвизгнула Нина, – а что прикажете делать с ностальгией, она меня не просто достала, а прямо всю душу выворотила наизнанку.

– Вы знаете, коллеги, – плаксиво заканючила Лариса, – иду я по этой задрипанной Беер-Шеве, и за каждым каменистым холмиком на дальнем горизонте мне грезится шпиль Адмиралтейства и контуры Исаакиевского собора.

– А очертания легендарного крейсера Аврора тебе не мерещатся, – не без злорадства спросил её Борис.

– Ну, зачем же вы так, Борис, – чуть не заплакала Лариса, – мне ведь и в самом деле плохо. Я ведь понимаю, что не всё сразу, но жить по-человечески хочется уже сегодня.

– Завтра, Лариса, обязательно наступит, – ободрил её Борис, – только для кого-то это будет, действительно, завтра. Для кого-то, возможно, послезавтра, а для кое-кого через несколько лет.

– Простите, Боря, а вы всем раздаёте успокоительные индальгенции, – поинтересовался вдруг Аркадий.

Таня заметила, что хваленая Аркадием венгерская «Палинка» уже давно ударила её мужу в голову и, зная его характер, не выбирая средств, доказывать свою правоту, положила свою руку ему на плечо. Ей совсем не хотелось, чтобы Борис рассорил её с друзьями, с которыми ей ещё два месяца предстояло учиться. Он же деликатно убрал её руку, не забыв при этом галантно прикоснуться к ней губами, привстал со стула и сказал:

– Друзья мои! Индальгенция, это, по-моему, что-то похожее на грамоту, которую я вовсе не собираюсь раздавать. А вот сказать я собирался много, но лучше меня об этом написал всем вам известный Владимир Владимирович Маяковский в стихотворении, которое было напечатано в еврейской петербургской газете «Восход» в далёком 1913 году. Я его выучил на память и, чтобы рассеять все сомнения, прямо сейчас прочитаю:

Евреи! Достаточно для человечества
Вы отдали сил в суматохе дней.
Страна Палестина
Твоё отечество,
Туда езжай,
Если ты еврей.
Куда ни глянь,
Кругом евреи,
Спешите все
Туда поскорее.
Евреи, оставьте Россию невытую,
Идите туда, где не будете битыми,
Туда, где не взыщут на вас вины,
Туда, где руки ваши нужны!
Только не жди – не поможет бог,
Если себе ты помочь не смог.
Во имя будущих поколений –
Езжайте быстрее в Палестину, евреи!

Борис закончил, за столом воцарилось длившееся несколько минут молчание. А потом все, не сговариваясь, дружно зааплодировали. Нина, молча, разливала по маленьким чашечкам подоспевший кофе, а Аркадий патетически произнёс:

– Спасибо тебе, Боря, что ненавязчиво напомнил, во имя чего мы оказались сегодня в наших Палестинах.

– Да ничего я никому не собирался напоминать, – огрызнулся Борис, – просто до сих пор помню, как в детском саду, когда мне было всего шесть лет, светловолосая девочка, которую я обожал, назвала меня жидом пархатым. Я, признаться, тогда и понятия не имел, что такое жид и, тем более, не ведал значения слова пархатый.

– А ведь и мне говорили, – вмешался в разговор Семён, – что ты, мол, хороший еврей, а для всех остальных есть одно средство – погром.

– Хватит, господа о пятой графе, именуемой зловещим словом жид, – оживился вдруг Аркадий, – давайте лучше выпьем, но перед этим я, как бы подыгрывая Борису, тоже хочу прочитать стихотворение на тему дня поэтессы Риммы Казаковой, творчество которой я очень люблю:

Уезжают русские евреи,
Покидают отчий небосвод,
Потому-то душу, видно, греет
Апокалиптический исход.
Уезжают, расстаются с нами,
С той землёй, где их любовь и пот.
Были узы, а теперь узлами,
Словно склад, забит аэропорт.
Уезжают... Не пустить могли ли?
Дождь над Переделкиным дрожит.
А над указателем «К могиле
Пастернака» выведено: «Жид»...

После прочтения этих стихотворных строк рукоплесканий уже не было, кто-то выкрикнул допризывное «Лехаим» и компания, дружно чокнувшись, опустошила содержимое своих рюмок.

Глава 8. Трудовое повседневье

Борис и сам не заметил, как впрягся в рутинную череду трудового повседневья. Оно укладывалось в ставший привычным трафарет: ранний подъём, старенькое «Рено», поджидающее у подъезда и, наводящий невесёлые мысли фрагмент негевской пустыни, где он проводил топографо-геодезические изыскания. Борис работал аккуратно, старательно и достаточно быстро. Последнее вызвало недовольство и раздражение Игаля, который на повышенных тонах без обиняков заявил ему:

– Ты, Борис, пожалуйста, приостанови свой рабочий пыл и очень прошу тебя, сбавь скорость своих измерений, на этом объекте за быстроту больше денег не платят, сделай милость, работай помедленнее.

Борис не то, чтобы расстроился, а был просто озадачен: он просто напросто не понимал, какой интерес хозяину приостанавливать продвижение работ на объекте, когда им, геодезистам, буквально на пятки наступают проектанты и строители. В конце, концов, он приехал из страны развитого социализма в страну не менее развитого капитализма, при котором, по его понятиям, повышение производительности труда должно быть на первом месте. Ларчик открывался более чем просто, и приоткрыл его Иосиф. Он довольно внятно объяснил Борису, что между строительной фирмой и геодезической компанией существует письменный договор, в котором указывается, что фирма выплачивает геодезистам деньги не за объёмы выполненных работ, а в соответствии с затраченными рабочими днями. По всему выходило, что чем больше времени геодезисты находятся на строительном объекте, тем больше финансов им выплатят. Ну, скажите, пожалуйста, это ли не типичный социализм?

И всё-таки, это был другой строй, в чём Борис лично убедился двумя месяцами позже. Приехав утром на объект, он увидел там кучу людей, по выражению лиц которых совсем нетрудно было догадаться, что они представляют собой начальство разных рангов и категорий. Борис был недалёк от истины: это были начальники отделов местного муниципалитета, владельцы проектных и архитектурных компаний и строительные подрядчики, ведущие вертикальную планировку и дорожные работы. Посреди всей этой компании стоял хозяин Бориса Игаль Дотан, на которого были устремлены взгляды всех начальничков. Цвет лица Дотана походил то ли на колер переспелого помидора, то ли на оттенки сочного, только что отрезанного, арбуза. Начальственный народ размахивал руками, чем-то возмущался, воздух разрывали тирады, среди которых слышались нецензурные слова, не входящие в обиход интеллигентного человека. Пониманию и произношению этих слов Бориса научили его рабочие. Он, например, понятие не имел, как на иврите будет звучать слово «прерогатива» или «трансцендентный», зато, благодаря добровольным усилиям своих помощников, он без труда мог послать любого индивидуума в места не столь отдалённые. Иосиф по этому поводу всегда говорил:

– Вот попадёт Борис на работу в приличное место: в академию или университет и тогда, боюсь, его там просто не поймут.

Зато его хорошо понимали базарные торговцы. Когда один из них, рассердившись на Бориса, что он не хочет покупать у него некондиционные овощи, резко послал его возвращаться в Россию, то получил в ответ такую порцию, выдержанной во всех традициях жанра, ивритской непристойности, что вынужден был просить у него прощения. Сейчас же уже почти четверть часа почти непрерывные кванты этой нецензурщины получал Игаль Дотан. Борис понимал, что стряслось что-то неординарное, что-то важное вышло из-под контроля. Однако он даже близко не мог предположить, что вся эта нештатная ситуация связана, прежде всего с его инженерной деятельностью. Когда начальство расселось по своим автомобилям и уехало восвояси, Игаль подскочил к Борису, глаза его горели неприкрытой злобой, а лицо выражало жестокость и неприязнь. Он схватил Бориса за ворот рубашки и громко прокричал:

– Ты инженер или уборщик туалетов? И чему вас учили в вашей грёбаной несчастной России? Чёрт бы тебя побрал, ты хоть понимаешь, что ошибся то ли в измерениях, то ли в расчётах высоты точек ровно на два метра.

Дотану вторил Иосиф, который в унисон с ним верещал:

– Да ничего он не понимает, один бог знает, где он купил свои инженерные и докторские дипломы.

Игаль, будто это было отрепетировано заранее, когда Иосиф заканчивал своё последнее слово в предложении тут же стремглав подхватывал его и, не давая Борису передохнуть, неистово, захлёбываясь в крике, продолжал:

– И вот эта твоя двухметровая ошибка привела к тому, что прибыла бульдозерная техника, и вместо того, чтобы делать выемки, они стали сооружать насыпи. Машины уже работают шестой день. Ты представляешь, сколько лишней земли они насыпали? Ты хотя бы на минуту улавливаешь, какие убытки я понесу?

Борис ничего не улавливал и ровным счётом ничего не понимал. В своё время он изучал теорию ошибок измерений и понимал, что когда допускается миллиметровая или даже сантиметровая ошибка, то отыскать её в большом объёме измерений чрезвычайно трудно. Но, когда речь идёт об огромной погрешности, равную двум метрам (а такую ошибку в теории называют грубой), найти её, как правило, не представляет труда.

Тем временем Игаль продолжал надрываться:

– Даю тебе, Борис, два дня, за которые ты должен обнаружить эту ошибку, найти место, где она произошла, и попробовать совершить невозможное – доказать, что наша фирма не виновата в совершении этой грубой неточности.

Не в меру взволнованный Борис тут же начал совершать это невозможное, но осуществить его на практике было не так легко. Шутка ли сказать, на этом объекте все выполненные им измерения расположились в сорока журналах, в каждом из которых было пятьдесят страниц. На каждой странице помещались не менее тридцати измерений вместе с вычислениями. Вот и получалось, что проверить надлежало не менее 60 000 параметров. Фактически Борис сидел не только два отведенных ему дня, к ним он прибавил ещё и две ночи. Он проверил всё и вся: ошибки не было. Тем не менее, ошибка где-то спряталась. Борис услышал, как возле каравана взвизгнули тормоза, он выглянул в окошко и увидел остановившуюся там белоснежную «Тойоту» Игалья, тот ворвался в помещение, забыв даже закрыть дверцы своей «японки», и вопросительно взглянул на Бориса. Он, разводя руки в стороны, удручённо промолвил:

– Могу сказать абсолютно точно, что ошибки в моих измерениях и вычислениях нет.

– К чёртовой матери твоя уверенность, – взорвался Игаль, – где же тогда эта дьявольская ошибка?

– Думаю, что где-то в исходных данных, – мрачно откликнулся Борис, тупо уставившись в таблицу высот исходных реперов, написанных от руки и висевших над рабочим столом Иосифа.

Вдруг по наитию его озарила экстраординарная догадка, он вихрем бросился к книжной полке и достал оттуда каталог координат и высот, отпечатанный типографским способом и официально изданный геодезическим ведомством Израиля. В этом каталоге были помещены высоты тех же пунктов, что и в таблице, висевшей над столом на стене. Борис быстро открыл нужную страницу и сравнил её с написанным в таблице. Высота одного из исходных пунктов в каталоге отличалась от табличного ровно на два метра. Лицо Бориса озарила счастливая улыбка, он резко повернулся к своему шефу и беспечным голосом спросил:

– Скажите, Игаль, а кто переписывал высоты из каталога в таблицу, да ещё и таким корявым почерком.

– А какое тебе, собственно, дело до этого, – грубо оборвал его хозяин, – я и переписывал.

– Да просто маленькая неувязочка здесь приключилась, – чуть ли не прошептал Борис, – при переписке вы ошиблись ровно на два метра, вместо «пятёрки», что в каталоге, тут написана «тройка», отсюда и все беды.

Игаль побледнел, как полотно, и поспешно покинул караван. В мгновение ока он вскочил в свою «Тойоту» и умчался в неизвестном направлении. На следующий день Иосиф проинформировал Бориса, что строительные подрядчики предъявили Игалю Дотану иск на несколько сотен тысяч шекелей. Однако, бизнес его был застрахован по всем арбитражным правилам и, в конечном итоге, он отделался лёгким испугом. А ещё через день Игаль лично позвонил Борису домой, долго и красиво извинялся, пообещав ему повышение в должности. Уже в следующем месяце он прибавил ему зарплату на восемьсот шекелей, что на то время по курсу составляло почти четыреста долларов. Для нового репатрианта это были совсем немаленькие деньги.

Так уж складывалось, что на первых порах жизнь Бориса в новой стране была лишена ореола романтики, по крайней мере, вместо высокой поэзии, которую он очень любил, она окутывала его серой прозой, рутинной и обыденщиной. Каждое утро одна и та же строительная площадка, изрытая котлованами, контурами будущих проездов, испещрённая кольшками с красными и голубыми ленточками, означающими насыпь или выемку по трассе проектируемых дорог. Каждый день теодолит или нивелир, зрительные трубы которых надо было поворачивать на визирные цели, каждый вечер необустроенная съёмная квартира с окнами, выходящими в пустыню, и неудобный диван, на который он падал обессиленный после тяжёлого полевого дня на изнуряющей жаре. Удовлетворение приносила лишь разумная зарплата, которая, впрочем, позволяла только нормально кормить семью, оплачивать аренду квартиры и коммунальные услуги. В прошлой жизни Борис по результатам своих исследований писал статьи в научные журналы, разрабатывал методические указания для студентов, читал лекции по нескольким большим и сложным курсам, вёл учебную практику и руководил дипломными проектами. За год до отъезда Борис даже открыл научно-технический кооператив. Он успел насладиться вкусом предпринимательской деятельности, вникнув параллельно в тонкости коммерции и бизнеса. За это Борис был благодарен отцу перестройки Михаилу Горбачёву, открывшему ему путь в свободное плавание. Сегодня, выполняя топографическую съёмку на строительной площадке, он вспомнил, как он открывал свой геодезический бизнес в Москве. Именно сегодня, в это жаркое, насыщенное высокой влажностью утро, эти воспоминания навели его на вполне закономерное резюме:

– А почему бы, Борис, тебе бы не открыть свою геодезическую фирму здесь в Израиле. Страна всё-таки – демократическая, да и создание малых и средних бизнесов в стране всячески поощряется. Будешь ты, бывший доцент, сам себе хозяин и не будешь зависеть от всяких там Игалей Дотанов.

Следующие несколько дней были посвящены размышлениям по поводу открытия своего бизнеса. Борис отдавал себе отчёт, что этот процесс будет архисложным. Но ведь и в Москве было нелегко. Поначалу в кооперативе, который он создал, вместе с ним работали только трое работников (ещё два доцента с его кафедры). Уже через год его детище превратилось в предприятие, в котором трудилось сто пятьдесят человек и он стал его генеральным директором. Однако в Москве у Бориса были наработанные за многие годы устойчивые связи среди работодателей. Стоило ему утром около часа провести у телефонного аппарата, как минимум с десяток заказов оказывалось у него в портфеле. Борис безумно гордился не столько тем, что возглавляемое им предприятие имело миллионный оборот в год, а тем, что ни разу, никогда и нигде не дал ни кому не единой взятки, что однозначно не было присуще новым российским бизнесменам. Здесь же на новой родине всё было по-другому: он никого не знал и его не знали, вдобавок он почти не владел языком, который, безусловно, являлся важным инструментом в бизнесе. Но, несмотря на это, Борис всё ближе и ближе подбирался к окончательному решению – создать свою фирму. Сказано – сделано! Мозги Бориса были устроены так, что

в момент, когда решение принято, уже ничто не могло его повернуть назад. Вначале он воспользовался тем, что новые репатрианты, имеющие высшее образование, имели право на бесплатный курс. Он взял трёхнедельный курс, название которого «Основы предпринимательской деятельности в Израиле» в точности соответствовало принятому решению. Курс вели экономисты, бухгалтеры, адвокаты и налоговые инспекторы. Несмотря на то, что все лекции читались на иврите, Борису, который уже немножко продвинулся в иудейской словесности, всё-таки удалось схватить стержень излагаемого на лекциях и значительно обогатить свои знания в бизнесовой сфере. Следующим шагом явилась встреча с советником по коммерческим вопросам. Беседа велась на иврите, но и здесь Борис понимал чуть ли не восемьдесят процентов рекомендаций, полученных от специалиста по бизнесу. Главным итогом встречи являлось одобрение советником всех начинаний, предложенных Борисом по созданию своего дела. Именно от него он узнал, что необходимо составить бизнес-план, чтобы получить в банке ссуду. Это было совсем непростым, чтобы не сказать чрезвычайно сложным действием. Следовало скрупулёзно учесть многофункциональность затрат, необходимых для начала работы фирмы.

Во время работы над этим планом Борис отчасти пожалел, что не прислушался к пожеланиям своей матери, которая работала юрисконсультантом в Академии наук СССР, поступать на юридический факультет Московского университета. На сегодняшний день в Израиле насчитывалось около тридцати тысяч адвокатов, их количество на душу населения – самое высокое в мире. Рост числа адвокатов в стране значительно опережает рост населения, на каждые две тысячи израильтян, включая детей, приходится один адвокат. Тем не менее, Оля Левина, дочка маминой подруги, которая тоже была юристом, послушалась маму и получила высшее образование по юриспруденции. Оленька, с которой Борис вместе посещал и ясли, и детский сад, всего девять месяцев находилась в Израиле. За это время она, подтвердив свою квалификацию юриста, успела сдать очень сложные экзамены на право работать в этой области и открыла в Тель-Авиве свою адвокатскую контору. Практически сразу появилась и клиентура: это были новые репатрианты, которым гораздо легче было оформлять юридические сделки по аренде и покупке квартиры у русскоязычного адвоката, чем у её ивритоязычных коллег.

Но чем, скажите, пожалуйста, Борис был виноват, если ещё со школьного возраста любил географию, астрономию и математику, являющиеся основой геодезической науки. Адвокату для открытия конторы следовало арендовать помещение для офиса, закупить письменный стол, несколько стульев, книжные полки и компьютер. В переводе на денежную наличность, тут можно было уложиться в сумму две тысячи долларов. Когда же Борис стал подсчитывать свои расходы на открытие бизнеса у него не то чтобы закружилась голова, он просто стал медленно сходить с ума. Калькулятор выдавал немыслимые цифры. Выходило, что для успешной работы двух групп геодезистов (меньше было никак нельзя) необходимо два автомобиля, два электронных теодолита, два нивелира, различное вспомогательное геодезическое оборудование, два компьютера, принтеры и графопостроитель для вычерчивания карт и т. д. и т. п. Это не считая аренды просторного помещения и зарплата шести сотрудников. Всё это тянуло на астрономическую сумму не менее пятидесяти тысяч долларов и это в расчёте на то, что, с учётом погашения выплат по ссуде, оборот его фирмы в месяц составит не менее тридцати тысяч шекелей. Но даже Всевышний на небесах не мог гарантировать Борису постоянные заказы, тем более, что он находился не в белокаменной русской столице, а на юге Израиля, где об инженере-геодезисте Борисе Буткевиче никто из заказчиков не подозревал. Если даже подумать о рекламе начала своей деятельности, то маловероятно, что все строительные подрядчики, архитекторы, проектировщики и специалисты по земельному кадастру дружно выстроятся в очередь к нему для размещения своих заказов. Тем не менее, Борис решил рискнуть, справедливо полагая, что всё-таки не Боги горшки обжигают и, в тайниках души надеясь, что тот же Господь будет к нему милосерден в обмен на то, что каждую субботу он надевает кипу и заходит на полчаса в синагогу, как приучил его сосед Нисим. Но похоже, что ангелы на небесах не

заметили Бориса среди постоянных прихожан еврейского молельного дома. Просто банковский служащий скрупулёзно изучил его бизнес-план, проверил в компьютере историю поступления денежных средств на его счёт и вышел, как потом оказалось, к директору филиала за утверждением. Когда он вернулся на своё рабочее место, по его кислому выражению лица, Борис однозначно понял, что в выдаче ссуды ему было отказано.

Глава 9. Курсы геодезистов

Расстроенный Борис мрачно вышагивал по осенней Беер-Шеве. Только осень была какая-то смешная, совсем не европейская осень. Отсутствовала жёлто-багряная краска октябрьского увядания природы в морозящих каплях заунывного дождя. Наоборот, ярко светило солнце, его светлые лучи кокетливо скользили по лицу Бориса. Но настроение у него всё равно было осеннее. Подумать только, столько времени угробил на этот утопический бизнес, и все эти чёртовы начинания в один момент разбились вдребезги. Он остановился на мгновение у афишной тумбы прикурить сигарету. Вдруг его внимание привлёк большой листок ватмана, который отличался от других объявлений своим размером и тем, что текст был написан красным фломастером на русском языке. Объявление гласило, что Беершевский технологический колледж объявляет приём из числа новых репатриантов, имеющих высшее образование в области геологии, геофизики и географии, на курсы геодезистов. Как стало известно Борису позднее, речь шла о переквалификации перечисленных выше специальностей в сферу геодезических изысканий, поскольку эти отрасли в Израиле были почти не востребованы. И тут Бориса осенило, а почему бы и ему, несмотря на то, что он считается специалистом в геодезии, не записаться на эти курсы ради одной возвышенной цели – выучить во время занятий геодезическую терминологию на иврите. Курс проводился в вечернее время, поэтому не было ни каких преград для его посещения. На следующий день он отправил в колледж свои документы. Буквально через неделю его вызвали на интервью и он предстал перед комиссией в составе пяти неизвестных ему людей. Председатель комиссии, седовласый пожилой мужчина, вытащив из папки документы Бориса, откашлялся и негромко промолвил:

– Прошу прощения, но мы должны отказать вам в приёме на этот курс.

– Бесконечная череда отказов продолжается, если не в пространстве, то, во всяком случае, в текущем времени, – счёл нужным предположить про себя Борис.

– Вы уж, пожалуйста, не обижайтесь на нас, – извинилась перед ним моложавая женщина в синих джинсах и такого же цвета блузке, – но курс этот предназначен для желающих изучить геодезию, а не для тех, кто её знает.

– Из ваших документов, Борис, видно, – снова обратился к нему седовласый, – что у вас имеется докторская степень по геодезии, поэтому, – сделав многозначительную паузу, продолжил он, – мы предлагаем вам преподавать на этих курсах.

– Мы долго искали преподавателя на этот курс, – снова вступила в разговор женщина в джинсах, – и, кажется, нашли, если вы, конечно, не возражаете.

Ошарашенный Борис, не веря своей удаче, хвост которой замаячил на горизонте, озадаченно спросил:

– Простите, господа, вы и в самом деле, думаете, что я осилю преподавать не простой курс на сложном для меня иврите?

Все без исключения члены комиссии загадочно заулыбались, а один из них, который оказался президентом колледжа, торжественно сообщил:

– Да в том-то и дело, что мы попросим вас читать лекции на русском языке, который вы, наверняка, знаете лучше нас.

Джинсовая женщина радостно подтвердила:

– Это, надеюсь, будет лучше не только для вас, а и для ваших слушателей, которым воспринимать излагаемый материал будет намного легче на знакомом им языке, чем на иврите.

– Ещё хотелось добавить, – присовокупил к сказанному президент колледжа, – что для нас большая честь предоставить аудиторную кафедру доктору наук из Москвы.

Борис, краснея до самых ушей, смущённо промямлил:

– Так что, получается, что все мои студенты бывшие граждане СССР?

– Именно так, доктор Буткевич, – подтвердил он, – так вы согласны или нет?

Бориса ещё никто и никогда не называл словом доктор, и это приятно щекотало нервы и даже льстило, да и звучало как-то более солидно, чем сухое слово доцент. Он отчётливо ощущал, что абсолютно все члены комиссии смотрели на него с неподдельным уважением, с почтением не конкретно к нему, а к некому индивидууму, получившему учёную степень в российской столице. Так что Борису ничего не оставалось как горячо поблагодарить всех за доверие и радостно выкрикнуть:

– Конечно же, я согласен и готов обучать своих соотечественников геодезической науке.

В коридоре Бориса догнал один из членов комиссии, коренастый с толстеньким животиком пожилой мужчина. Он, слегка прикоснувшись к его плечу, заметно преодолевая боязнь обратиться к нему, стеснительно пробормотал:

– Извините, Борис, но мне поручили побеседовать с вами. Меня зовут Авраам Шварц, если вас не затруднит, пройдёмте ко мне в кабинет.

Там Авраам напоил Бориса кофе и сообщил ему, что они вместе будут вести этот курс. Он будет читать лекции и вести практические занятия по инженерной геодезии, а Борис будет вести лекционные курсы по высшей и математической геодезии, включая теорию фигуры Земли, астрономию и гравиметрию, понятно, что он Авраам на иврите, а он, Борис, на русском языке. Авраам ознакомил его с программами курсов и, как бы невзначай, подсунул ему листочек бумаги с начерченной там геометрической фигурой. Заискивающе улыбаясь, Авраам попросил его решить задачу. Только потом до Бориса дойдёт, что, по сути дела, это было, что называется тестом на вшивость, т. е. самая что ни есть настоящая проверка его профессиональных знаний. Борис трижды попросил Авраама повторить условие задачи, пока он не понял, о чём всё же говорится в ней. А когда понял, внутренне похолодел, в глубинных недрах мозговых извилин всё напряглось, подобно натянутой тетиве лука. Подобной задачи он никогда в жизни не видел, проблема, лежащая в её основе, была не столько геодезической, сколько кадастровой. А земельный кадастр в Советском Союзе в то время являлся наукой теоретической, никто и никогда в практической плоскости его нигде не рассматривал. Поэтому, у Бориса задрожали руки, когда он дочитал врученный ему листок до конца. Как и всегда во всех экстремальных ситуациях, он тут же включил свой внутренний аутотренинг, с помощью которого быстро приказал взять себя в руки, успокоиться и сосредоточиться на искомой проблеме, отгоняя в сторону все остальные. Через несколько минут психологическая установка возымела своё действие, и Борис направил свой мозговой штурм на решение задачи. Справедливо полагая, что в этом случае следует неведомое каким-то образом превратить в известное, он сумел свести кадастровую задачу в задачу математическую. Остальное уже являлось делом техники. Однако, несмотря на то, что математику Борис знал почти профессионально, техника решения оказалась не такой уж и простой. В конце концов, после составления системы уравнений ему удалось отыскать то, что просил Авраам. Весь процесс занял более получаса, и всё это время Борис спинным мозгом ощущал его острые взгляды. Когда же, наконец, он протянул Аврааму несколько, исписанных мелким почерком, листочков, то уловил в его взоре неподдельное изумление. Тот нервно перевернул эти страницы, не удосуживаясь даже заглянуть в них, и, только дойдя до последней, сверил, полученный Борисом ответ, с записанным в его блокноте. Авраам несколько раз произвёл сравнение результатов и, убедившись, что они совпадают с точностью до миллиметра, ошеломлённо выдавил из себя:

– Ты смотри, всё безупречно. Как это у вас так получилось, доктор Буткевич? Что это за новый, неведомый мне, метод решения вы изобрели?

– Да ничего нового здесь нет, – смутился Борис, – просто так сложилось, что кадастровых методик я не знаю, а математический аппарат спасает практически всегда.

– Теперь я вижу, что вы настоящий доктор наук, – чуть ли не выкрикнул потрясённый Авраам, – а наговорили тут, что у всех русских, прибывших, к нам купленные дипломы.

Борис не знал, что Авраам, если называть вещи своими именами, вообще не имел никакого образования. Просто более сорока лет назад, когда еврейское государство только зародилось, он окончил двухгодичные курсы по геодезии, которые по объёму излагаемого материала соответствовали советскому профтехучилищу. Однако у Авраама был огромный стаж практической работы и он, по сути, инженер-самоучка, дослужился даже до начальника геодезического отдела в крупной строительной компании. Если с практикой у Авраама всё обстояло просто замечательно, то с теорией всё обстояло не совсем гладко. Однако, видимо, кто-то из руководства всё-таки попросил Авраама время от времени контролировать Бориса. В один из дней, когда Борис вёл лабораторное занятие по математической обработке геодезических сетей, Авраам прямо в середине занятия вдруг бесцеремонно вошёл в аудиторию и с важным видом водрузился за стол. Он, разумеется, ни слова не понимал из объяснений Бориса, но по тем формулам и чертежам, которые были изображены на доске, должен был, если и не осмысливать, то, по крайней мере, догадываться, о чём идёт речь. Судя по выражению его лица, он всё же улавливал то, что объяснял Борис. Но в какой-то момент всё его лицо покрылось краской, глаза загорелись каким-то свирепым оттенком, а правая рука судорожно вытянулась вперёд. Затем, уже не в силах удерживать себя, он вприпрыжку, как молодой козлик, на всех парах помчался к доске. Не владея собой, он схватил красный мелок и безудержно, одним рывком, перечеркнул всё, что было написано белым цветом на доске. С громовым воплем «коль зэ лё нахон», что в переводе означало «всё это неправильно», он бросил раскрошившийся мел на пол и стремглав выбежал из аудитории. Борис оцепенел, ему потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Ещё никто и никогда в жизни не проделывал с ним такие немислимые трюки. Если даже с большой натяжкой предположить, что Борис писал на доске форменную галиматью, что даже теоретически не могло произойти, то даже элементарная, не только преподавательская, а просто человеческая этика никоим образом не предписывала то, что совершил сейчас его израильский коллега. Жаль, что у Бориса в лексиконе не было такого запаса слов на иврите, чтобы доступно объяснить это Аврааму. Когда он в перерыв зашёл в преподавательскую, пурпур на лице его коллеги превратился в анемичную белизну: он настырно вонзал палец в открытую страницу учебника, приглашая Бориса взглянуть на неё. Несмотря на то, что текст учебника был написан на иврите, набранные курсивом формулы подсказали ему, что они выражают. Через мгновение Борис понял, чего добивается Авраам. В учебнике был подробно описан коррелятивный метод уравнивания измеренных величин, он же на лекции объяснял студентам более эффективный и более простой параметрический способ. И тот, и другой, разумеется, приводили к идентичным результатам. Но откуда было это знать недоученному Аврааму. Когда Борис предложил ему сравнить его результат вычисления со своим, и тот увидел, что они абсолютно одинаковы, он искренне извинялся, долго держал его руку в своей и невнятно бормотал:

– Виноват, доктор Буткевич, бес попутал, просто хотел показать московскому профессору, что и мы здесь не лыком шиты, но не сложилось, простите.

Больше инцидентов между ними не возникало, они даже подружились, и каждую субботу Борис и Татьяна были желанными гостями на шикарной вилле Авраама, расположенной в негевском оазисе, окружённом вечнозелёными кипарисами и пальмами.

Настроение Бориса в последние дни с крайне негативной отметки поползло вверх, неуклонно приближаясь к положительной. Ещё бы, ведь он теперь не месил своими кроссовками непролазное грязеище на строительной площадке, а стоял за лекторской кафедрой и сеял, как говорится, разумное, доброе и вечное. Если по поводу доброго и вечного у Бориса всё-таки имелись некоторые сомнения, то разумное зерно в его лекциях точно содержалось. По крайней мере, он чувствовал, что, если бы в колледже деятельность преподавателя разрешали бы оценивать аплодисментами, то он, с большой долей вероятности, заслужил бы их с выкриками «браво». Истины ради, Борис радостно отмечал про себя, что у него ещё никогда не было таких

толковых, сообразительных, а главное рациональных студентов. Правда всему этому предшествовала своя подоплека. В то время как в Москве его студенты являлись вчерашними школьниками, то здесь все без исключения уже были дипломированными специалистами в таких сложных областях как геофизика и геология. Если для московских студентов в стенах альма матер будущая профессия казалась призрачной и неосязаемой, то рационализм нынешних заключался в приобретении новой специальности как жизненно необходимой. Работать с такой аудиторией было легко и приятно. Они молниеносно схватывали изучаемый материал и также быстро и успешно применяли его на практических занятиях. В Москве Борис, будучи доцентом, не проводил практических занятий: для их реализации у него было два ассистента. Здесь же никаких помощников ему по штату не полагалось. Возможно, что в этом был свой смысл. Только сейчас он осознал, что для большей эффективности обучения лекционный материал и лабораторные занятия должен вести один человек, это, выражаясь философским языком, обеспечивает чуть ли не абсолютное единство теории и практики. В этом плане, имелся ещё один немаловажный для Бориса аспект. Учебных часов на лабораторные занятия выделялось в два раза больше, чем на лекционный материал. Поскольку он работал не на ставку, а почасово, то получалось, что благодаря практическим занятиям, его зарплата увеличивается в два раза, что для него было совсем немало важно. Сам факт присутствия Бориса в реальном времени на своём месте приносил ему не только какие-то денежные дивиденды, а и огромное морально-психологическое удовлетворение. Впервые за первый год пребывания в Израиле он почувствовал материальную независимость, уверенность, как в себе, так и в завтрашнем дне.

Ну а завтрашний день не замедлил наступить. «*Omnia tempus habent*», что в переводе с латыни означает «Всему – своё время». Подоспело время окончания курса, студентам в торжественной обстановке выдали дипломы, а Борис, соответственно, получил уведомление, что в его услугах технологический колледж больше не нуждается. Его благосклонно приняли на временную работу, извлекли из него, что требовалось для успешной подготовки студентов и без всяких аплодисментов выпроводили на исходные позиции. Теоретически исходной точкой считалась работа в компании Игаля Дотана. Когда Борис сообщил Игалю о своём переходе на преподавательскую работу, тот, не долго думая, схватил его за отворот тенниски и решительно заявил:

– Послушай, Борис, я понимаю, что у тебя докторская степень, но тебе не место в академии.

– А где же, Игаль моё место? – любопытствовал Борис.

– Зачем ты спрашиваешь, – повысил голос Игаль, – разве ты не знаешь, где оно? Конечно же, в моей фирме. Я тебя никуда не отпускаю.

– Игаль, ну нельзя же так, – спокойно возразил ему Борис, – я люблю вести учебный процесс, боготворю научную работу, так что извини, пожалуйста, я не останусь.

– Нет уж, это ты извини меня, я тебе ещё не всё сказал, – замахал руками Игаль, – я повышаю тебе зарплату на тысячу шекелей и это, во-первых. А во-вторых, через несколько месяцев Давид уходит на пенсию и ты, обещаю тебе, займёшь место главного инженера.

– Спасибо за доверие, – улыбнулся Борис, – но я своих решений не меняю.

– Ты ещё пожалеешь, Борис, – угрожающе промолвил Игаль, – такими предложениями не разбрасываются. Учти, потом будешь проситься назад, не возьму.

Сегодня, стоя у главного входа в колледж, который в душе он окрестил разбитым корытом, он, вспомнив прощальные слова Игаля, понял, что обратная дорога к нему отрезана.

Единственным светлым пятном во всей этой истории был гонорар, который Борис получил за два месяца работы в колледже. Он составил ни мало, ни много двадцать четыре тысячи шекелей. Такую цифру не грех было поместить в учебник по астрономии. Игаль Дотан платил ему две тысячи четыреста шекелей в месяц. Простое арифметическое вычисление показывало, что, проработав всего два месяца в колледже, он получил зарплату, тождественную

десяти месяцам работы у Дотана. Получалось, что даже из самых, что ни есть меркантильных соображений, несмотря на кратковременность работы, стоило преподавать в колледже. Когда Борис принёс домой банковский чек, Татьяна радостно всплеснула руками и, не отрывая восхищённого взгляда от выписанной в чеке суммы, спросила:

– Боренька, что же мы будем делать с такими большими деньгами?

Борис понимал, что деньги были, действительно, немалые. Ведь подавляющее число репатриантов получали пять шекелей в час, т. е. примерно сорок шекелей в день или около тысячи шекелей в месяц. В то же время у Бориса не было никаких сомнений по поводу расходования этих денег. Он не был приучен откладывать их на чёрный день или, как учили его израильяне, вкладывать на специальные программы в банке с целью получения процентов. Поэтому, Борис без лишних раздумий и колебаний ответил жене:

– Я думаю, Танюша, ты не будешь возражать, если на эти деньги мы приобретём новый автомобиль, ты ведь знаешь, что новым репатриантам положена пятидесятипроцентная скидка.

Татьяна понимала, что машина ни есть предмет первой необходимости, видит бог, что в Москве прекрасно обходились без неё. Но она хорошо знала своего мужа, если он, что задумал, то не отступится. Словно угадывая мысли жены, Борис жалобно проканючил:

– Танюша, ну я понимаю, что есть вещи поважнее, но, с другой стороны, если не сейчас, то когда? Да и машина, которую я присмотрел, стоит, с учётом скидки, ровно двадцать четыре тысячи шекелей, ровно столько я и заработал.

– Ну что с тобой делать, Боря, – опечаленно проворковала Татьяна, – может ты и прав, ведь другой возможности у нас не будет.

Борис ещё не знал, что впоследствии он будет менять машины каждые пять лет. Но в тот день он отправился в автосалон и оформил покупку белокрылой «японочки» под названием «Субару» и уже через неделю новенькая машина стояла у далеко непарадного подъезда его обветшалого дома, где они снимали квартиру.

Глава 10. Автопробег в Эйлат

Чтобы как отвлечься от грустных мыслей по поводу потери работы и доставить своей семье хоть какой-то «экшн», Борис решил прокатить их в Эйлат, существовавшего ещё в эпоху царя Соломона. Разумеется, совсем не поиски останков древнего иудейского царя являлось целью поездки. Смысл её Борис видел в расслабляющей нирване под нежными лучами яркого солнца у тёплого и экзотического Красным моря, где между коралловыми рифами плавают дельфины. Однако расстояние между Беер-Шевой и Эйлатом составляло около трёхсот километров. Прodelать такой путь даже для опытного дальнoбойщика было непросто. Для Бориса, опыт вождения которого исчислялся двумя десятками часов на курсах вождения в Москве, это было просто нереально. Но он жаждал адреналина, который возникает у водителей, выехавших на автостраду. Татьяна совершенно справедливо говорила ему, что одно дело, когда он в поисках этого адреналина, карабкался на крутые ледопады и остроконечные скалы, подвергая риску только себя. Совсем другой ракурс вырисовывается, когда опасность претерпевают его жена и любимые дочери. Таня, как всегда, была права, а Борис, в свою очередь, клятвенно заверил её, что будет максимально осторожен, понимая, какой драгоценный груз он везёт. Он с величайшей осмотрительностью выехал на междугороднюю трассу и тут же пристроился в правый, как он считал, самый безопасный ряд. Дорожный знак предписывал максимально разрешённую скорость, равную девяносто километров в час. Для продвинутого японского авто эта скорость была сопоставима с передвижением черепахи. То и дело мимо Бориса в левом ряду проскакивали машины со скоростью, как минимум в полтора раза, превышающую разрешённую. Оказывается общеизвестный слоган «Какой русский не любит быстрой езды» вполне соответствовал стилю езды еврейских водителей. Не успел славный экипаж новоиспечённой, ещё приятно пахнувшей заводской краской, «Субару» преодолеть первые двадцать километров, как началась экзотика: прямо перед капотом машины появились два верблюда, которые торопливо пересекали шоссе. Борис еле успел затормозить, понимая, что столкновение с пятисоткилограммовой массой этого «корабля пустыни» ничего хорошего не сулит. Зато Светлана и Наташа захлёбывались от радостного смеха. Больше всего этой необычной поездке радовались они. Татьяна молча сидела возле Бориса, не мешая ему, ни в пример другим женщинам, сосредоточиться на вождении. Она напряжённо вглядывалась в окно, за которым со скоростью, указанной на спидометре, проплывала безлюдная, пустынная и, в какой-то степени, загадочная местность под названием Негев.

В какой-то момент Татьяна попросила Бориса остановить машину. Они находились на смотровой площадке самого большого в мире кратера Рамон. Именно здесь можно было прикоснуться к вечности, ведь этому уникальному природному памятнику более двухсот миллионов лет. Борис, Татьяна и девочки заморожено смотрели на совершенно не реальную сюрреалистическую картину. Вокруг царило просто фантастическое безмолвие и умиротворение. Со всех сторон открывался великолепный космический пейзаж кратера. Борису рассказывали, что побывать на этом земном кратере следует ночью. Ведь когда в полной темноте вспыхивают яркие звёзды, а луна как бы весело подмигивает им, местная пустыня превращается в эксклюзивный таинственный холст, на котором не чудятся, а видны фантазмагорические углубления, которые мы наблюдаем на лунной поверхности. Хотя с другой стороны, побывавший на нашем естественном спутнике американский космонавт Армстронг, заявил, что этот пейзаж более лунный, чем на самой Луне.

Проехав ещё полсотни километров, пустыня неожиданно поменяла свой равнинный пейзаж на горный. По мере продвижения к Мёртвому морю Иудейские горы всё время меняли свою окраску: с белого цвета на жёлтый, с жёлтого на коричневый, а в некоторых местах преобладал даже, немного пугающий, чёрный колер. Под стать рельефу автострада из двухряд-

ной линейки неожиданно трансформировалась в затяжной однополосный серпантин, круто спадающий вниз. С левой стороны, как в калейдоскопе, мелькали вырубленные на прилегающих скалах цифры +400, +300, +200. Борис скорее догадался, чем понял, что они обозначают высоту над уровнем моря. Через несколько минут показалась нулевая отметка, фиксирующая этот уровень, уровень Средиземного моря. Ну а дальше за окном промчались уже отметки со знаком минус, означающие, что мы спускаемся в самое низкое место на Земле с высотой четыреста двадцать пять метров ниже того самого уровня. Борис остановил машину на смотровой площадке, откуда открывалась величественная панорама на самый солёный водоём в мире. Когда же он объяснил дочерям, что в этом море невозможно утонуть потому, что необычно высокая концентрация соли позволяет, не прилагая малейших усилий, удивительно легко держаться на воде, Наташа и Светлана в один голос закричали:

– Папочка! Мы очень хотим не прилагать усилий, мы страшно хотим искупаться в этом необыкновенном море.

– Тихо девочки, – задорно прикрикнул на них Борис, – десять минут безмолвия и гладь самого солёного в мире моря будет держать вас в своих объятиях.

Что касается объятий, то с ними, как раз, вышла неувязочка. Как только их дружная семейка ступила на песчаный пляж самого мёртвого в мире моря, маленькая Наташа в мгновение ока скинула с себя одежды и, оставшись в одних трусиках, стремительно нырнула в солёную воду. Буквально через секунду она пулей с душераздирающим воплем выскочила оттуда. Ведь солёность воды в этом уникальном море достигает тридцати пяти процентов и можно себе представить ощущения ребёнка, которому эта соль вьелась прямо в глаза. Тут же из будки выскочил израильский спасатель и со словами:

– Опять эти русские прыгают в воду, не спросив, что находится в этой воде, – подхватил Наташу на руки и быстро побежал с ней к ближайшему душу, где в течение пяти минут аккуратно промывал ей глаза, пока Наташа не выкрикнула:

– Ой, спасибо, дяденька, я уже всё вижу, а можно я всё-таки попробую полежать на воде, папа сказал, что в этом море я не утону.

– Не утонешь, девочка, конечно же, не утонешь, – заверил её усатый спасатель марокканского происхождения, – ты только не забудь напомнить своему папе, чтобы в следующий раз не разрешал тебе нырять в море с открытыми глазами.

Борис, понятно, чувствовал себя виноватым, улавливая на себе укоризненные взгляды Татьяны. Однако не он, а именно Наташа запомнит этот эпизод на всю жизнь и, когда через много лет ей придётся сопровождать делегацию бизнесменов из России, то по прибытию на берег Мёртвого моря она не забудет предупредить их, что при погружении в воду необходимо закрывать глаза. Наскоро перекусив полюбившимися девочкам питой (арабской лепёшкой), наполненной хумусом, салатами и фалафелем, и запив это ледяной кока-колой, экипаж машины боевой тронулся дальше. Через некоторое время штурман автопробега Татьяна Буткевич приказала всем, кроме водителя, повернуть голову направо. Там тянулся многокилометровый хребет причудливых остроконечных гор, образованный из чистой соли. Где-то здесь находился библейский Содом, уничтоженный вместе с Гоморрой за грехи тяжкие. Татьяна указала дочерям на высокий соляной столб, который называли «женой Лота», именно она и была превращена в этот столб всего навсего за то, что хотела подсмотреть, как уничтожаются эти два библейских города. Постепенно горные массивы сошли на нет, плавно перейдя в занудный пустынный ландшафт. Девочки задремали, а Татьяна, не давая Борису последовать их примеру, развлекала его весёлыми рассказами из своей врачебной практики.

Неожиданно серо-бурая панорама, маячившая за ветровым стеклом, сменилась светло-зелёной окраской. Это был небольшой оазис, называемый сто первый километр. Для Бориса как бывшего москвича, это числовое клише означало лишить права советского человека жить в столичном мегаполисе. В советской действительности на 101-километр выгоняли бывших

зэков, тунейдцев, диссидентов и уголовников. В сегодняшней реалии сто один километр означал всего навсего расстояние до Эйлата. И, разумеется, ни у кого даже в мыслях не было высылать туда каких-либо изгоев, отверженных властями. В тоже время своё название этот райский уголок в аравийской пустыне получил вовсе не от километража. Он являлся данью памяти героям воинской части № 101, погибших в сражении с арабами за независимость Израиля. Проснувшиеся девочки с удовольствием бродили по этому экзотическому островку в безжизненной пустыне, наблюдая в живом уголке за двухголовыми мутантами черепахой и змеей, за диковинной жабой, которая пьёт, не раскрывая рта, а также за крокодилами, обезьянами и питонами. Дальнейшая часть пути представляла собой однообразную дорогу, слева от которой тянулись покатые холмы, находящиеся уже в государстве Иордания. Унылый пейзаж оживляли только протяжённые массивы финиковых пальм. Но вдруг из-за очередного поворота неожиданно снова показались горы. Выглядели они настолько презентабельно, что казалось, что какой-то художник именно к нашему приезду выкрасил их в красный цвет. Тут же нарисовался дорожный указатель, на зелёном фоне которого было написано EILAT. Белоснежная «Субару» въехала на территорию самого большого израильского курорта, расположенного на юге пустыни Арава. Борис приоткрыл окно автомобиля и торжественным голосом бывалого гида возвестил:

– Уважаемые дамы! Прямо перед вами простирается экзотическое Красное море. Слева от вас на расстоянии менее одного километра, за прерывистой линией роскошных пальм вы видите Иорданию, а справа за дугообразной подковой уже виден Синайский полуостров, на территории которого находится Египет. И если вы продлите свой взгляд по морской акватории, то на её изгибе уже простирается Саудовская Аравия.

– Как здорово! – восторженно воскликнула Татьяна, – подумать только за полдня мы побывали на берегах двух диковинных морей: Мёртвого и Красного.

– Мамочка! – восторженно вторила ей Светлана, – ты не представляешь, что ещё в Москве на уроках географии нам рассказывали про эти моря и эти страны и мы искали их на карте, а сейчас я вижу всё это наяву.

Но больше всех радовалась Наташа, когда в тот же день всё семейство посетило подводную обсерваторию. На шестиметровой глубине через стеклянные стены она с восхищением любовалась одной из главных красот Эйлата – коралловым рифом, наблюдая за экзотическими обитателями морских глубин в их естественной среде. А разве можно было забыть заповедный аттракцион дельфинов, морскую прогулку на яхте со стеклянным дном, морской велосипед и водный катамаран и даже дайвинг (подводное плавание с аквалангом). Два дня, проведенных в Эйлате были для Бориса отдушиной от нелёгкой повседневности, незабываемым праздником души и тела, проведенным вместе с семьёй.

Глава 11. Вадим и Вера

По приезду из Эйлата «Субару» Бориса притормозила, немного не доезжая до их беершевской обители. Остановиться возле дома мешала большая фура, из которой выгружался всякий домашний скарб. Стройная блондинка, прогибаясь чуть ли не до тротуара, волочила неподъёмный баул. Борис, поравнявшись с ней, помог дотащить этот груз до раскрытой двери квартиры на третьем этаже, расположенной напротив его съёмных «хоромов». Оттуда послышался сочный мужской баритон:

– Верочка! А куда запропастился чемодан с моими монографиями?

Не успел Борис подумать, что, сколько же нужно сделать научных исследований, изложенных в книгах, называемых монографиями, чтобы их содержимое поместить не в портфель или сумку, а в большой чемодан, как появился обладатель баритона, высокий представительный мужчина средних лет с роговыми очками на переносице.

– Спасибо за помощь моей жене. А вы, наверное, наши соседи, – радостно воскликнул он, увидев, идущих за Борисом Татьяну с дочерьми.

Татьяна, не отрывая взгляда от больших полиэтиленовых пакетов, заполненных какими-то чертежами и схемами, оживлённо пропела:

– Похоже, что да. Давайте знакомиться, меня зовут Таня, моего мужа Борис и наши девочки: Светлана и Наташа.

Блондинка тут же радостно откликнулась:

– Очень приятно! Я – Вера, а мой благоверный – Вадим. Маклер, который помог снять нам эту квартиру, говорил, что в качестве компенсации за неказистую квартиру у нас будут интеллигентные соседи из самой Москвы.

– Этот же маклер сообщил, что нам повезло не только с соседями а и с самой квартирой, поскольку это последняя квартира в Беер-Шеве. Все остальные уже арендованы новыми репатриантами, – весело добавил Вадим.

В это время из кухни выскочил рыжий кокер-спаниель. Вера, погладив его по холке, ненавязчиво приказала:

– Ада, ну-ка быстро беги знакомиться с девочками, смотри какие они симпатичные.

Рыжая Ада быстро подбежала к Свете и Наташе, подав каждой из них свою мохнатую лапу. С этого момента эти три особи женского пола стали неразлучными, впрочем, как и семьи Буткевичей и Шендерович.

Уже буквально через неделю получилось так, что Борис и Вадим вместе вернулись домой. Вадим пригласил соседа выпить какой-то особый чёрный кофе, зёрна которого он по случаю купил на арабском базаре. Когда они вошли в квартиру Вадима, их взгляду открылась картина, напоминающее небезызвестное полотно живописца Василия Перова «Охотники на привале». В роли охотников в данном случае выступали Вера и Татьяна. Они лежали в обнимку на диване и нестройными голосами пели отрывок из хита Аллы Пугачёвой «Всё могут короли, всё могут короли, но что не говори, жениться по любви не может ни один, ни один король». На столе, на фоне тарелки с крупно нарезанной кошерной колбасой и маринованными огурцами сиротливо маячила на три четверти опустошённая матовая бутылка водки «Кеглевич», пользующаяся большим спросом у репатриантов. Если бы у Бориса была бы вставная челюсть, она, наверняка бы, выпала бы в тесное пространство кухни, где он находились в настоящий момент. Ещё ни разу в жизни ему не приходилось видеть свою Танюшу в таком расслабленном, мягко говоря, состоянии, ведь она на дух не переносила крепкие спиртные напитки. А сейчас она, пошатываясь из стороны в сторону, нетвёрдой походкой подошла к Борису и раскатисто выкрикнула:

– Боренька, как здо-о-оро-о-ов-о-о, что ты не ко-о-ро-о-ль и женился на мне по любви.

Вадим пристально посмотрел на свою жену, улыбнулся, схватил водочную бутылку и, разлив остатки крепкого напитка, медленно, подбирая слова, провозгласил:

– Давай, Борис, в качестве аперитива перед обещанным кофе, выпьем за наших жён. Не знаю, что явилось поводом для этого женского бенефиса, надеюсь, завтра мы об этом узнаем.

На следующий день, когда только первый розовый блик утренней зорьки заглянул в окно, Татьяна разбудила Бориса и стала рассказывать ему о том, какая Вера прекрасная женщина, что между ними возникла небывалая химия, позволяющая не то чтобы с полуслова, а пожалуй с полувзгляда понимать друг друга.

– Всё хорошо, Танюша, – перебил её Борис, – но как это связано с тем, что вы с Верой напивались.

– А вот это я даже, как врач, который лечит нервную систему, объяснить не могу, – обиженно оправдывалась Татьяна.

– Понимаешь, Боря, – продолжила она, – так получилось, что я стала вспоминать старый Арбат, Чистые Пруды и Садовое кольцо, а Вера – Невский проспект, Мойку и Фонтанку. И такая нас захлестнула ностальгия по местам, где родились, выросли, учились и работали, что сами не заметили, как на столе оказалась эта водка, которую Вера держала для компрессов и растираний.

– Да уж нечего сказать, – согласился с ней Борис, – а мы с Вадимом, после того, как уложили тебя и Веру спать, ещё долго сидели и разговаривали, правда, без алкогольных возлияний.

– Я уверена, что Вадим тоже хороший человек, – прервала его Татьяна, – не знаю, кто он по специальности, но создаёт впечатление очень образованного и интеллигентного мужчины.

– К тому же ещё и очень скромного, – добавил Борис, – ты только представь себе: мы уже три недели знакомы, а он не более, как вчера, не то, чтобы сказал, а просто проговорился, что он профессор, доктор технических наук.

Борис поведал жене, что, на его просвещенный взгляд, есть просто профессора и есть настоящие профессора, понятно, что Вадима следует отнести к последним. Оказалось, что кроме перечисленных регалий, он был начальником исследовательской лаборатории одного из крупных Ленинградских НИИ, заведующим кафедрой и деканом факультета, председателем специализированного Учёного Совета по защите диссертаций на соискание учёной степени докторов наук.

– Помнишь, Таня, когда мы помогали переносить им вещи, – вспомнил Борис, – Вадим спрашивал Веру о каком-то чемодане с его монографиями.

Ты понимаешь, – взволнованно продолжил Борис, – именно вчера я и спросил Вадима, сколько монографий поместилось в его чемодане. Оказалось немало немного – всего двенадцать.

– Боря, а что, собственно, означает слово монография, – тихо спросила Татьяна, – наверное, что-то от слово «моно» – одно.

– Монография, Таня, это не что иное, как научный труд в виде солидной книги с углублённым изучением, как ты правильно подметила, именно одной темы. Иногда это может быть изложение очень серьёзной и значимой диссертации.

Борис продолжал объяснять Татьяне, что написать двенадцать монографий это, как минимум, сотворить столько же диссертаций, связанных, если и не с глобальными, то с важными для науки исследованиями и диссертациями. А ведь подавляющее число соискателей пишут только одну диссертацию, что даёт им право носить звание профессор всю оставшуюся жизнь, не превознося больше ничего в теорию и практику своей научной деятельности. Борис не мог вспомнить ни одного профессора с института, где он преподавал, написавшего более трёх монографий. Причём все они были написаны в соавторстве и один из них, как правило, ректор или проректор, получал за это почётное звание «заслуженный деятель науки и техники

СССР» или «заслуженный работник высшей школы СССР». По понятным причинам Вадим Михайлович Шендерович этих званий не удостоивался. Тем не менее, он был известным, чтоб не сказать, именитым учёным в своей области и пользовался заслуженным авторитетом среди коллег в СССР и за рубежом.

– Что меня поразило, Танюша, – чуть ли не сорвался на фальцет Борис, – что такой учёный, можно сказать, с мировым именем, бросает все свои почётные и хорошо оплачиваемые должности и едет в какой-то Израиль.

– Боря, милый, что с тобой, ты ли это, – вспыхнула Татьяна, – ты как-то неадекватно выражаешься, что значит какой-то?

– Таня, ты сама подумай, – повысил голос Борис, зардевшись краснотой на лице, – в Советском Союзе при двухсотмиллионном населении было всего пятьдесят тысяч докторов наук, что составляет менее трёх сотых процента от всего населения. Если отбросить из этого числа профессоров исторического материализма, научного коммунизма, истории КПСС, всяких филологий и лингвистик, то названная мною цифра вообще будет стремиться к нулю.

– И что с этого, – спросила Татьяна, – как это соотносится с каким-то, как ты выразился, Израилем?

– А так и соотносится, – возразил ей Борис, – что при таком, представь себе, раскладе Вадим мог бы работать в лучших университетах США и Старого Света, а ни в какой-нибудь Беер-Шеве.

– Я не совсем поняла, – взглянув в упор на мужа, осведомилась Татьяна, – разве Вадим преподаёт в университете? Но ведь он совсем не знает иврита, даже ты владеешь языком лучше его.

– Видишь, Таня, скромность Вадима не знает границ, – заверил её Борис, – только вчера он рассказал мне, что читает свой курс на английском языке. Кроме того, ему доверили возглавить комиссию по приёму студентов-репатриантов без экзаменов в Беершевский университет, которые проучились в институтах СССР два или три года.

Среди прочего, Вадим поведал Борису, что решающим критерием для принятия решения о зачислении является, в каком именно ВУЗ (е) учился студент. Если это были институты Москвы или Ленинграда, то соискатель безоговорочно принимался для продолжения учёбы. В случае, если он обучался в Ташкенте, Баку, Черновцах или Хабаровске, то практически всегда получал отказ.

– Вадим, ты, конечно, извини меня, – вспыхнул Борис, когда услышал это, – но здесь, чуть ли не дискриминацией попахивает.

– Не мне тебе рассказывать, – возразил ему Вадим, – ты же был преподавателем столичного института. Но ты никогда не был в провинциальных вузах. Мне пришлось как-то при проверке учебного процесса в Бакинском университете спросить у одного доцента кафедры математического программирования, какие он знает алгоритмические языки. И он, представь себе, ответил, что знает русский и азербайджанский. Выявилось также, что подавляющее число студентов, обучающихся на мехмате, больше знакомы с матом, чем с математикой.

– Ну а, как же быть с Ломоносовыми из провинции, – полюбопытствовал Борис.

– За свою бытность здесь, – констатировал Вадим, – я, к великому сожалению, с таковыми не встречался.

– Прости меня, Вадим, – перескочил на другую тему Борис, – мы не так давно знакомы, но мне жутко интересно, почему ты, если уже покинул Ленинград, то не поехал в Кембридж, Принстон или Гарвард?

– Вопрос не так однозначен, – после долгого раздумья ответил Вадим, – я далёк как от иудаизма, так и от идей сионизма. Не знаю, поверишь ли ты мне, но ещё в Ленинграде меня обволокло неведомое биополе, призывающее приехать в вечный город, золотой Иерусалим.

Это звучит мистически, но этот город снился мне каждый день и призывно манил в свою таинственную ауру.

– Почему же ты живёшь в Беер-Шеве, а в не израильской столице, – поинтересовался Борис.

– Ответ довольно тривиальный, – поспешно ответил Вадим, – кафедра, по которой я специализируюсь, имеется только в университете города Беер-Шева. Еще, будучи в Ленинграде, я списался с ними и, получив от них письменное обязательство, что они принимают меня на работу на полную ставку профессора, решил репатриироваться в Израиль.

– Выходит это является единственной причиной твоего приезда в Израиль, – подытожил Борис.

– Не совсем, это, можно сказать, третий фактор – отозвался Вадим.

– Что же представляют собой предыдущие факторы? – спросил Борис.

– Первый и, пожалуй, самый главный, это то, что я всё-таки позиционирую себя как лицо еврейской национальности, – отреагировал Вадим, – будешь смеяться, Борис, что профессор говорит такие глупости, но мне снился сон, что мой дедушка, а он был раввином в Бердичевской синагоге, настоятельно призывал меня вернуться в страну исхода.

– А ты, конечно, не мог послушаться еврейского священника, – засмеялся Борис.

– Зря иронизируешь, Боря, – грустно промолвил Вадим, – во-первых, старших надо слушаться, а во-вторых, я и сам полагаю, если исторически так сложилось, что евреи во все эпохи были разбросаны по всему миру и жили в изгнании и если та же история предоставила им возможность жить в своей стране, то эту значимую реальность надо использовать.

– Как то слишком уж риторически ты всё это излагаешь, – неожиданно для себя перебил его Борис, – а что же делается со вторым фактором?

– Что же касается второго фактора, – не глядя на Бориса, промолвил Вадим, – то здесь я буду ещё больше амбициозен: надоело жить в стране, где верхи не знают и не понимают, что надо делать, а низы, поругивая власть, в свою очередь, не хотят ничего свершать, продолжая верить в доброго царя.

В этом месте Борис всеми фибрами своей души почувствовал, как его мысли переключаются с концепцией, изложенной сейчас Вадимом. Если до сих пор его, на фоне непрекращающейся ностальгии, ещё одолевали сомнения, правильно ли он поступил, переезжая на историческую родину, то Вадим, сам того не сознавая, в одночасье сумел развеять их. Бориса ещё долго грело осознание факта, что если такие люди, как профессор Вадим Шендорович, с большой радостью получили израильское гражданство, то ему, бывшему доценту Борису Буткевичу, нечего роптать и следует воспринимать обретение новой родины как долгожданный и свершившийся факт. Тем не менее, он как-то нерешительно спросил Вадима:

– А что же, всё-таки прикажешь делать с таким ёмким, въевшимся во все мозговые извилины, понятием – Родина, с тихой гладью Москвы реки или Невы, с пахнущим осенней хвоей Сосновым бором или белесым оттенком плачущих берёз в Летнем саду, с традиционными курантами на Спасской башне Кремля или монументальным Зимним дворцом?

– А ты ещё спроси, Борис, – воскликнул Вадим, – что делать с незаслуженной двойкой по истории КПСС, когда меня с первого раза не приняли в аспирантуру или с моей докторской диссертацией, результаты которой сегодня применяют в США, Германии и даже в Австралии. Так вот эту диссертацию несколько лет под благовидными предложениями не принимали к защите, а когда она с невероятными трудностями и преградами, расставляемыми чиновниками от науки, всё-таки была защищена, её направили, так называемому, «чёрному оппоненту», у которого хватило совести написать, что она не актуальна и не представляет практической ценности. С невероятным напряжением сил, в конечном итоге, мне удалось доказать обратное на экспертном Ученом Совете Высшей аттестационной Комиссии при СМ СССР. Что с этим прикажешь делать?

– Да ничего я не хочу и не буду приказывать, – согласился Борис, – просто ностальгия замучила, жить по-человечески, разумеется, можно только в том месте, где мы сейчас с тобой находимся. Но как бы там ни было, хотим этого или не хотим, мы всё же своими корнями остаёмся кровинками России, и никуда от этого не денешься.

Глава 12. Институт геодезии

Кровинки эти проявились в письме от лучшего друга Саши Архангельского, который сообщал, что в Москве творится нечто невообразимое, которое иначе как вселенский бардак не назовёшь. Зарплату не платят, вновь избранный президент обещает реформы, но они то ли пробуксовывают, то ли вообще не состоятся. Народ плетётся в плену химерных иллюзий своего правительства, продолжая верить в своего царя Бориса. Нет, нет ни Годунова, а Бориса Ельцина. Верят, разумеется, чисто традиционно и иллюзорно. На самом деле уже никто ни во что и ни в кого не верит. Советские люди, ещё недавно выкрикивая лозунг «Долой господ», теперь называют друг друга не товарищ, а не иначе как господин, но суть совковой ментальности от этого, конечно же, не меняется и вряд ли изменится в ближайшее десятилетие. Далее Саша, словно почувствовав тоску Бориса по есенинским берёзкам, с прискорбием сообщал, что народ мечется и дёргается из стороны в сторону, выискивая мельчайшие зацепки для выезда за кордон. Русские немцы стремятся в Германию, украинцы страстно желают присоединиться к своей диаспоре в Канаде, а азербайджанцы усиленно ищут родственников в Турции. Истинные, тайком крещёные в детстве, россияне, ищут в запутанном своём генеалогическом древе еврейских бабушку или дедушку со светлой целью покинуть беспредельную одну шестую часть суши. Славянские индивидуумы, которые отчаялись найти иудейские корни в своей пресловутой древесине, ищут еврейских невест или жениха как некий подвечный пропуск для выезда в Израиль. Тем же, кому этот трюк не удаётся, норовят любыми способами получить заграничную визу в любую страну Европы с тем, чтобы работать там «беби-ситтер» по уходу за детьми, по присмотру за стариками и инвалидами, подметальщиками в отелях и рабочими на стройках. Коллеги по кафедре, писал Саша, не без чувства белой зависти, передают ему, Борису пламенный научно-преподавательский привет, со стопроцентной уверенностью, что он работает профессором в университете, получая при этом высокую зарплату.

Скупые слезинки навораживались у Бориса при прочтении этого письма от друга. По Сашиним словам выходило, что чуть ли не вся столица рвётся за рубеж, а он тут, понимаешь, места себе не находит, страдает и терзается тоскливыми мыслями по покинутому отечеству. Надо было немедленно брать себя в руки и ринуться в дорогу, которую, говорят, осиливает только идущий. В это знойное утро эта дорога привела Бориса на арабский базар, где он за бесценку купил себе кроссовки, являющимися хорошей подделкой модной спортивной фирмы «Адидас». Здесь на базаре кто-то окликнул его со словами:

– Шалом, Борис! Рад тебя видеть, как дела?

Знакомый голос принадлежал Иосифу, бывшему начальнику Бориса, который, пожав ему руку, с лёгкой иронией продолжил:

– Что господин профессор ищет на столь дешёвом рынке? Почему он не находится в своём офисе, в котором открыл частный бизнес по геодезии?

Борис от удивления об осведомлённости Иосифа в его делах едва промямлил:

– Откуда тебе, Иосиф, известно, что я пытался открыть своё дело?

– Ты, Борис, вижу, ещё в недостаточной степени абсорбировался в стране, – усмехнулся Иосиф, – Израиль – государство маленькое и здесь при желании каждый знает о другом гораздо больше, чем о себе. Впрочем, приглашаю тебя на чашку кофе, там всё и расскажу.

В прибазарном кафе Иосиф заказал себе рюмку водки, а Борису маленькую чашечку арабского кофе. После традиционного возгласа «Лехаим» Иосиф поведал, что советник по открытию малого бизнеса, консультирующий Бориса, направил ему для проверки бизнес-план, составленный неудавшимся олигархом.

– Кстати, должен отметить, Борис, – пробасил Иосиф, выпивая вторую рюмку огненной воды, – что план составлен безукоризненно, чувствуется профессорская хватка.

– Но при всём этом, – пригорюнился Борис, – мне отказали в ссуде.

– И правильно сделали, – обрадовался Иосиф, подзывая официанта для заказа очередной порции водки, – видимо, всё таки кто-то хранит тебя на небесах.

Опустошив третью рюмку живительной для него влаги, заметно повеселевший Иосиф поведал Борису, что произошло, если бы банк выдал бы ему кредит. Оказалось, что для производства геодезических работ в Израиле, независимо от наличия первой, второй или даже третьей академической степени, необходимо было иметь лицензию для проведения топографо-геодезических изысканий. Понятно, что такого документа у Бориса в наличии не было. Для его получения Борису, по словам Иосифа, необходимо было сдать три экзамена. После некоторого раздумья растерянный Борис едва нашёл в себе силы спросить:

– Где же и кто, Иосиф, принимает эти экзамены?

Раскрасневшийся от переваренного алкоголя Иосиф, вытащил из кармана блокнот, что-то быстро записал на оторванном из него листке, и приятельски обняв Бориса за плечи, торжественно выкрикнул:

– Благодарю всевышнего, Борис, что я у тебя есть. Вот тебе телефон, позвони. Там тебе всё расскажут более подробно.

– Где это там? – на всякий случай поинтересовался Борис.

– Там, это национальный институт геодезии, картографии, расположенный в славном городе Тель-Авиве, – ответил Иосиф, – кстати, там же можешь поинтересоваться и по поводу своего трудоустройства.

Борису, несмотря на трезвое состояние, хотелось тут же расцеловать Иосифа. Ведь, благодаря ему, он получил архиважную информацию. Во-первых, она открывала ему дорогу к экзаменам для получения лицензии, которую он, чего бы это ему не стоило, обязан заполучить. Во-вторых, и это самое главное, появлялся дополнительный шанс для обретения работы по специальности в государственной структуре. Такие перспективы, обрётённые, вероятно, по воле небес, приведших его на арабский базар, упускать было никак нельзя.

Борису повезло, номер, который написал ему Иосиф, оказался прямым телефоном генерального директора института Рона Адлера. Только потом он узнает, что единственным путём дозвониться ему являлся телефон его неприступной и вальяжной секретарши Орит, которая, как правило, переводила своему босу один из десяти звонков по своему высочайшему усмотрению. Со стопроцентной вероятностью можно было предположить, что звонок Бориса она бы сочла малозначительным и оставила бы без внимания. Где Иосиф отыскал прямой телефон высокопоставленного государственного служащего, история умалчивает. Но в это очередное солнечное утро Борису посчастливилось, минуя секретаршу, услышать в телефонной трубке солидный голос генерального директора:

– Доктор Рон Адлер слушает.

Борис с трепетом в голосе пролепетал первое предложение домашней заготовки:

– Доброе утро, вас беспокоит доктор геодезии Борис Буткевич.

– И что же желает доктор Буткевич, – приветливо пробасил господин Адлер.

Стараясь, во избежание лишних ошибок, объясняться, по выражению классика, чтоб мыслям было широко, а словам тесно, Борис кратко изрёк:

– Я, доктор Адлер, ищу работу по специальности.

– Знаете, господин Буткевич, – весело промолвил директор, – далеко не каждый день мне звонят доктора наук, которые ищут работу в институте, которым я руковожу. Если не возражаете, то жду вас завтра в десять утра у себя в кабинете.

На следующий день уже в восемь утра Борис выходил из автобуса на центральной автобусной станции в Тель-Авиве. До неприличия жаркое октябрьское солнце бесцеремонно освещало один из самых грязных и беспокойных районов южного Тель-Авива. Небольшие улочки и переулочки, окружающие автобусную станцию «города без перерыва» (такое нарицательное имя

Тель-Авив получил за непрерывно неутомимую и кипящую в течение 24 часов жизнь в своём нутре), являли самую бедную и совсем небезопасную часть города. До здания института, который размещался в центральной части мегаполиса, было чуть более двух километров. Борис заранее вооружился картой, чтобы не потеряться в хаотичной городской топологии и безошибочно, никого не спрашивая, отыскать нужное место. Он не спеша проходил, захлапанные притонами и публичными домами, грязные кварталы, которые иначе как еврейским Гарлемом назвать было трудно. Места дешёвого сексуального удовлетворения даже близко не напоминали «роскошную, залитую разноцветным неоновым светом, улицу «красных фонарей» в Амстердаме, в котором Борис побывает через несколько лет. Эти места ютились под замызганными многолетней грязью вывесками «массажный кабинет». Не успел Борис вообразить, какого же вида массаж предоставляют в этих заведениях, как из одного из них буквально выпорхнула неопрятного вида молодая женщина, одетая в черную, едва прикрывающую нижнее бельё, клеёнчатую юбку. На языке Толстого и Достоевского она надрывно выкрикнула в сторону Бориса:

– А вот и мой первый клиент. Заходи, мальчик, заходи, сделаю тебе хорошо.

Борис вздрогнул и не нашёл ничего лучшего, как перейти на другую сторону улицы, облепленной обветшалыми домами, первые этажи которых были приспособлены под выносные лотки, торгующими пёстрым ширпотребом низкосортного качества. Их сменяли различного рода закусовые, предлагающие фалафель, шаурму, хумус и прочий ближневосточный разносол. Примерно через полкилометра нищета задворков южного Тель-Авива стала сменяться солидными зданиями, витринами роскошных бутиков, красочными рекламными стендами, большими окнами различных банков и раскрытыми дверями многочисленных баров, кафе и ресторанов. Ещё через четверть часа Борис, сверяясь с картой, ступил на улицу Линкольн, на которой и размещался Национальный институт геодезии и картографии. Похоже, что эта улица совсем не случайно была названа в честь шестнадцатого президента США, поскольку последний в юности работал землемером, что сегодня отождествляется с геодезией. К тому же в здании, в котором сегодня располагается институт, уже в 1930 году, задолго до создания государства Израиль, во времена Британского мандата дислоцировался картографический департамент. На проходной Борису выдали временный пропуск, и через несколько минут он попал в приёмную генерального директора в, далёко не распротёртые, объятия секретарши Орит. По правде говоря, это были совсем не объятия, скорее совсем наоборот: огненно-рыжая секретарша сомкнула руки, всем видом показывая, что ему следует немедленно покинуть помещение, порог которого он переступил. Вспотевшему от жары и от волнения Борису пришлось до предела напрячься, чтобы суметь вытащить из своего совсем небогатого ивритского лексикона слова, объясняющие, что ему назначено в десять утра быть здесь. Орит, спросив фамилию Бориса, неистово накрутила телефонный диск и, проговорив что-то в трубку, выдавила на своих ярко раскрашенных губах некое подобие улыбки и пригласила его пройти в кабинет.

Когда Борис переступил порог кабинета, навстречу ему поднялся невысокий явно европейской наружности уже немолодой человек. Впоследствии выяснилось, что Рон Адлер, действительно, родился в Англии, там получил образование и защитил докторскую диссертацию по геодезии. Он протянул Борису руку и, указывая на старинное кресло у продолговатого журнального столика, пригласил присесть. Тут же, поменявшая свой надменный облик на оборотительное выражение лица, рыжеволосая Орит поставила перед ними две чашечки ароматного кофе с маленькими печеньками.

– Не скрою, доктор Буткевич, – начал разговор Рон Адлер, – что мне очень приятно принимать у себя учёного-геодезиста из Советского Союза. Перед тем, как я просмотрю ваши документы, пожалуйста, расскажите о себе. Какой университет вы окончили, где работали, какая тема вашей докторской диссертации, какова область научных исследований и в каких журналах вы публиковали свои работы.

Воодушевлённый тёплым приёмом, Борис обстоятельно рассказывал о своей производственной и научно-педагогической деятельности в области геодезии. Доктор Адлер внимательно слушал его, делая скидку на ошибки в его ивритском речитативе. Когда Борис закончил, он, отстраняя свою руку от кофейной чашки, весело всплеснул ею и радостно воскликнул:

– Доктор Буткевич, где же вы были раньше, вы даже не представляете, какая вы находка для нашей организации. Несмотря на то, что у нас уже работают несколько докторов из СССР, нам такие люди как вы не то, что нужны, а просто необходимы. Я предлагаю вам пока должность ведущего специалиста в фотограмметрическом отделе. Будете заниматься обработкой аэрофотоснимков и изготовлением на их основе картографического материала. Через полтора года начальник отдела уходит на пенсию и у вас будут все шансы занять его место.

Борис вспомнил, как по окончании полевого сезона в Заполярье в зимний период всех инженеров перевели в фотограмметрический отдел, как он сидел за окуляром стереографа, монотонно вычерчивая на фотоснимках рельеф отснятой местности. Это была поистине рутинная работа, и он, обратившись к главному инженеру, сказал тогда:

– Я понимаю, что я не вправе отказываться от консервативной и шаблонной работы, но режьте меня на куски, её я выполнять просто не в состоянии.

Тогда технический руководитель экспедиции проявил понимание и определил Бориса в проектно-вычислительный отдел, где он занимался творческой работой по проектированию геодезических сетей и математической обработке данных измерений. И вот сейчас, поистине, история развивается по спирали: ему предлагают работу такого же плана, можно сказать, производственную казёнщину. Пока Борис предавался давним воспоминаниям, генеральный директор, заметив, что радужные оттенки лица его собеседника приобрели бледноватые блики, осторожно промолвил:

– Простите, доктор Буткевич, я что-то не так сказал.

– Да всё так, – встрепенулся Борис и неожиданно для себя выпалил, – только аэрофотогеодезия это не моя стихия, хотелось бы, если можно, заниматься проектированием и математической обработкой данных.

– Я что-то не понял, господин Буткевич, – удивился генеральный директор, – вы, что отказываетесь от перспективы в ближайшее время стать начальником одного из ведущих отделов института.

– Видите ли, доктор Адлер, – вспыхнул Борис, – я, наверное, не из той страны приехал, да и, похоже, ментальность у меня другая. Но, с вашего позволения, я предпочитаю, с одной стороны, заниматься тем, что мне интересно, а с другой, работать в той области, где смогу принести наибольшую пользу, если это, разумеется, возможно.

– Ментальность у вас, конечно не израильская, – согласился доктор Адлер, – у нас люди думают, прежде всего, о карьерном росте. Но ваши аргументы заслуживают внимания. Думаю, что изыщем возможность определить вас в проектно-вычислительный отдел. Надеюсь, что сумеете навести там должный порядок. Ну а карьера, возможно, догонит вас по пути вашей успешной деятельности в нашем институте.

В то время, когда лицо Бориса засветилось неприкрытым ликованием, генеральный директор по громкоговорящей связи приказал секретарше вызвать своего заместителя по кадрам. Через несколько минут в кабинет вошёл худощавый мужчина со следами былой воинской выправки. Оказалось, что он отставной подполковник Армии Оборона Израиля, а сейчас возглавлял службу общих вопросов института. Рон Адлер, указав ему на Бориса, приказным, не требующим отлагательства, тоном тут же распорядился:

– Значит так, господин Дойчер, знакомься, доктор Борис Буткевич. Немедленно оформляй его на работу в проектно-вычислительный отдел нашего института.

Шимон Дойчер внимательно взглянул на своего шефа и скороговоркой выпалил:

– О каком оформлении может идти речь, господин Адлер, когда у нас в штатном расписании ни одного вакантного места.

Радостное выражение лица Бориса мгновенно сменилось тоской и унынием. В прежней жизни ему не приходилось в поисках работы обивать пороги столь значительного количества кабинетов управляющего персонала, как здесь. Однако, известный Борису из математической статистики, закон больших чисел в его случае почему-то не срабатывал и не приводил к положительному результату. Вот и сейчас в атмосфере представительного офиса повеяло дежурным фиаско. Пока Борис готовился взять себя в руки, чтобы пережить очередное поражение, генеральный директор, прервав затянувшуюся паузу, резко выкрикнул в сторону своего заместителя:

– Послушай меня внимательно, Шимон, получается, что в твоём штатном расписании имеются места только для бездельников, слоняющихся по институту в поисках места, где можно отлынивать от работы, а для достойного человека даже щёлочки не находится в этом твоём пресловутом табеле рабочих мест.

– Выходит, что не имеется даже маленькой дырочки, – сокрушённо подтвердил Дойчер.

– Я тебе покажу дырочки, – неожиданно взорвался Адлер, – знать ничего не знаю, тебе государство платит совсем не маленькую зарплату за то, чтобы ты обеспечивал наш институт кадрами, а не праздношатающимися лентяями.

– А куда мне прикажете девать этих праздношатающихся? – перебил Адлера его зам, – вы же сами понимаете, что нет никакой возможности освободить их от занимаемых должностей.

Борис ещё не знал, что в государственной службе Израиля существовало печально известное понятие «квиют», что в переводе с иврита означало «постоянство» на работе. Похоже, что такой термин не присутствует ни в одной стране нашей голубой планеты. Бытует он в Израиле только в предприятиях государственного и общественного сектора. Смысл его сводится к тому, чтобы гарантировать невозможность увольнения работника. Уволить могут только разве что в каких-то экстраординарных случаях, граничащих с преступлением. Но даже и здесь, при увольнении такого «квиютика», государство обязано выплатить ему огромную компенсационную сумму для дальнейшего безбедного существования. По сути дела, с получением «квиюта» государственный служащий становится в большинстве случаев полностью безнаказанным и может превратиться в пассивного, безынициативного и созерцательного работника. При определённых обстоятельствах «квиют» это некая индульгенция на пожизненное безделье. Разумеется, это относится не ко всем работникам, получившим это пагубный, прежде всего для государства, статус. Однако, даже «квиютики», которые по складу характера желают проявить элементарную ответственность или активность в своей рабочей деятельности, на фоне всепоглощающего пофигизма и недобросовестности по отношению к своим служебным обязанностям, вынуждены смириться с атмосферой должностного беспредела. «Квиют» является злостной напастью не только для государства, а по большей части для его главной составляющей: для народа. Зачастую в государственных учреждениях процветает вседозволенность чиновников, их бесцеремонное, порой граничащее с неприкрытым хамством, по отношению к посетителям, поведение. При этом как народ, так и сами чиновники прекрасно понимают, что никого и никогда за все эти глумящиеся провинности не уволят, благодаря всё тому же «квиюту». Вместе с тем далеко не все представители всё того же народа догадываются, что всё это «квиютное» чиновничество, на самом деле, функционирует за их счёт. Ведь, в конечном итоге, оно, в подавляющем большинстве случаев, ничего не производит и, поэтому, не получает никакой прибыли, часть которой могла бы стать их зарплатой.

Фактически зарплата государственных служащих формируется за счёт налогоплательщика, т. е. за счёт того самого народа, над которым они сплошь и рядом измываются. Больше того, за счёт народа, когда они выходят на не вполне заслуженный отдых, они получают совсем не маленькие, так называемые, бюджетные пенсии. Но и это ещё не всё, государственные слу-

жащие имеют ещё целый каскад льготных привилегий, которые даже не сняты работникам частных фирм и компаний. На их языке это называется социальными льготами. К ним, в первую очередь, относится фонд повышения квалификации работника. Для работника, имеющего «квюот», организация за свой счёт каждый месяц отчисляет десять процентов от его зарплаты в этот фонд. В реальности никто этот фонд по целевому назначению, т. е. для повышения своей квалификации, не использует, а по прошествии шести лет спокойно можно без налога получить на руки, накопленные за счёт государства, деньги. При зарплате близкой к средней, эта сумма может достигать 50-60 тысяч шекелей. И так каждые шесть лет. Совсем неплохо получать такой подарок за полубезделье. Кроме этого совсем неплохого в денежном отношении подарка, работники государственного сектора ежегодно получают фиксированные суммы, которые могут превышать пять тысяч шекелей, на оздоровление и приобретение одежды. Причём никого не интересует, куда будут расходоваться эти деньги: на покупку лекарств, на одежный шопинг или поездку за границу. Ещё одна составляющая социальной льготы – это, так называемый, «канонут». В русском звучании это слово означает «готовность». Спрашивается: готовность к чему? Вопрос, действительно, правомерный. На него существует мотивированный ответ: готовность к непредвиденным или экстренным событиям, которые могут произойти. В более простом изложении – это прибытие служащего на работу во внеурочные часы, если это непредвиденное всё-таки произойдёт. Для подавляющего большинства работников за десятки лет производственной деятельности ничего непредсказуемого в организации не происходило, что в никакой степени не мешало получать им каждый месяц прибавку к зарплате, порой превышающую тысячу шекелей, только за вероятность их появления на место не существующих событий. Кроме перечисленного им оплачивают расходы за пользование личным автотранспортом, что включает в себя оплату страхового полиса, техобслуживания и затрат на бензин. Вдобавок государственное предприятие финансирует своим работникам пользование личным телефоном. К преимуществам государственной службы следовало отнести ещё и такие, в общем-то, значительные мелочи, как не очень дешёвые обязательные подарки на весенний праздник «Пейсах» (Пасха) и осенний – «(Рош Ашана») еврейский Новый год. Нельзя не упомянуть и специальный банк «Яхав» для государственных служащих, который, по сравнению с другими банками, оказывал своим клиентам существенные скидки при проведении различных операций. В особой степени это касалось в предоставлении льготных, по сути дела, практически беспроцентных ссуд, что являлось существенным подспорьем для приобретения автомобиля, ремонта квартиры, поездки за границу и т. д. Таким образом, получалось, что при всех обстоятельствах, практически любая должность на госпредприятии являлась, чуть ли не элитной по сравнению с частным сектором.

Но Борис ещё не знал об этом. В текущий момент до его слуха донеслась только высокая тональность голоса Рона Адлера, направленная в сторону своего заместителя по кадрам:

– Итак, Шимон, знать ничего не хочу, через две недели доктор Буткевич должен начать работать в нашем институте.

– Но, пожалуйста, господин директор, – заканючил Шимон.

– Не позволю, – оборвал его Адлер, – я вдруг вспомнил, что мне ещё месяц назад звонил из Техниона профессор Браверман и настоятельно рекомендовал принять русского учёного на работу. Речь тогда шла именно о докторе Буткевиче. Так что, Шимон, никаких отговорок, действуй.

Надо отдать должное отставному подполковнику Шимону Дойчеру: он действительно начал действовать, видимо, в израильской армии его научили находить выход из нестандартных ситуаций. Господин Дойчер догадался позвонить в министерство абсорбции, которое занималось новыми репатриантами. Именно там ему подсказали, что для учёных репатриантов, имеющих учёные степени кандидата или доктора наук, существует специальный фонд Шапиро, названный так по имени его инициатора. Из этого фонда выделяется специальная стипендия,

которая выплачивается в виде зарплаты, при условии, что они находят работодателя. Последнее являлось самым сложным, поскольку совсем непросто было убедить организацию призвать в свои ряды людей, занимающихся научно-исследовательской работой. При этом немалая часть учёных, прибывших из СССР, в прежней жизни преподавали абсолютно бесполезные для Израиля дисциплины: историю КПСС, марксистско-ленинскую философию, научный коммунизм, политэкономия социализма, научный атеизм, русскую и украинскую филологию. Многие учёные были узкими специалистами в машиностроении, металлургии, станкостроении и горнодобывающей промышленности. Вероятность использования, как первых, так и вторых в израильской науке или в народном хозяйстве была равна абсолютному нулю не только теоретически, а и чисто в практическом спектре. В этом плане Борису просто классически повезло: геодезия в Израиле была востребована как в научном, так и прикладном плане. Уже через две недели ему позвонил Шимон Дойчер и пригласил его в отдел кадров заполнить документы.

Это оказалось не таким уж простым делом и не только из-за трудностей с ивритом. Советская анкета или листок по учёту кадров просто блекли перед внушительной стопкой разноцветных листков, испещрённых нескончаемым каскадом колонок, граф, табличек и строк. Всё это предстояло заполнить убористым почерком без помарок и описок на семитском языке. В одной из строк этого образца неженатому соискателю рабочего места предлагалось даже сообщить адрес и телефон любовницы, при условии, разумеется, если таковая имелась в наличии. Кроме того требовались трое физических, реально существующих, лиц, с указанием номеров их паспортов, домашнего адреса и телефона, рекомендующих претендента на указанную должность. Борис до конца жизни не справился бы с угнетающим потоком этой канцелярщины, если бы не сердобольная работница отдела кадров по имени Ирис, которую родители привезли в Израиль двадцать лет назад в возрасте девяти лет и которая успела в закарпатском городе Мукачево закончить два класса русской общеобразовательной школы. Понятно, что за это время она успела забыть даже то, что знала и что её фразеологический словарь русского языка вряд ли превышал лексикон Элочки Любоедки из бессмертных «Двенадцати стульев». Тем не менее, в какой-то степени она понимала, что говорил Борис на своём смешанном русско-ивритском наречии. Не прошло и трёх напряжённых часов, как ему с помощью обаятельной Ирис всё-таки удалось одолеть этот бумажно-бюрократический бастион. Борису всё время казалось, что премьер-министру, равно, как и его министрам, при приёме на эти высокие должности приходилось заполнять гораздо меньше документов. В финале выполненной работы он уже начал было испытывать чувство глубокого удовлетворения, соизмеримое разве что с ощущением после сдвига огромного валуна с высочайшей горы, но тут Шимон протянул ему ещё ворох каких-то листочков с красочным грифом «Министерство абсорбции (стипендия Шапиро)». Он попросил в течение двух дней заполнить их и прислать ему.

Когда уже дома, после просмотра этого образца израильской бюрократии, до Бориса дошло, что требуется подробно описать все его научные исследования, изложенные как в диссертации, так и в статьях, у него волосы встали дыбом. Даже Татьяна, тихо радующаяся что её Боря, наконец-то, нашёл желанную работу, не могла не обратить внимания на изменившееся выражение его лица.

– Что случилось, Боря? – встревожено спросила она.

– Да, понимаешь, Танюша, эти черти, просят меня прислать описание всех моих научных исследований, сделанных мною за пятнадцать лет.

– И не стыдно тебе, Боря, – чуть не расплакалась Татьяна, – те, кого ты называешь чертями, предоставляют тебе работу, о которой, по твоим же словам, и мечтать не мог, а ты в одночасье проклинаешь их.

– Ты, как всегда права, дорогая, – огрызнулся Борис, – но что, прикажешь мне делать с моими научными трудами.

– Кто же виноват, – рассмеялась Татьяна, – что ты написал так много научных статей, вот теперь сам и расхлёбывай всю свою науку. Я уверена, что ты, как всегда, что-то придумаешь.

Борис не придумал ничего лучшего, как взять себя в руки, купить русско-ивритский словарь и засесть за перевод автореферата своей кандидатской диссертации. За два отведенных ему дня он, конечно же, не управился. Необратимый и трудоёмкий процесс перевода занял у него полторы недели при двенадцатичасовом рабочем дне. Но дело было сделано. Качество перевода, попросту говоря, было никаким. Ведь изъять необходимые слова из словаря было совсем не сложно, а вот составить из них искомое предложение представлялось более тяжёлым, чем выполненные им теоретические изыскания, которые он переводил. Бумаги были отправлены в Министерство абсорбции, и поскольку никаких рекламаций на них не поступало, Борис понял, что там их, скорее всего, никто так и не удосужился прочесть.

Глава 13. Ещё два интервью на работу

Когда вопрос о новой работе Бориса был практически решён, он наткнулся в израильской газете сразу на два объявления. Одно из них уведомяло о том, что беер шевскому филиалу Земельного управления Израиля требуется на работу начальник отдела кадастровых измерений. Второе – возвещало, что Электрическая компания ищет инженера-геодезиста. Вот так оно бывает, когда надо – ничего, а когда не очень, то всё сразу. Борис послал своё резюме сразу по двум объявлениям скорее даже из спортивного интереса, чем из реальной необходимости, мол, посмотрим, что из этого выйдет.

Первое из них сработало утром следующего дня: приятный мужской голос представился лицом, отвечающим за геодезию в Земельном управлении. Он тут же спросил Бориса, может ли он приехать вечером в Тель-Авив для предварительного интервью. Борис не возражал. Показалось странным только, что его приглашают для переговоров не в офис фирмы, а, по-видимому, в частную квартиру. Частная квартира оказалось вовсе не квартирой, а трёхэтажной белокаменной виллой в северном Тель-Авиве. Борис и Татьяна, которую он взял с собой, по его же выражению, для «поддержки штанов», ещё не знали, что именно северная, а не центральная, не южная и не восточная, часть Тель-Авива является самой престижной и элегантной частью города. Именно в северном Тель-Авиве нашла свой жилищный приют наиболее богатое сословие израильских семей высокого достатка. Когда супруги Буткевичи, смущённо переминаясь с ноги на ногу, переступили входную, резную дверь этого боярского, по русской терминологии, терема, у Татьяны случился не такой уж и лёгкий шок. Прерывая напряжённое дыхание, она всё-таки успела шепнуть супругу:

– Ты посмотри, Боренька, живут же люди. Может, если ты получишь место у этого богатого работодателя, то и у нас будет такой дворец.

Сегодняшняя реалья складывалась так, что до неба было гораздо ближе, чем до белого дворца. Тем временем в огромном холле гостей усадили за ручной работы журнальный столик, на котором стоял эксклюзивный кофейный сервис, какие-то невиданные пирожные и средиземноморские фрукты. Татьяна обратила внимание, что всё было выставлено с изысканным вкусом, который не столько поражает взор, сколько ласкает и привлекает его. Зев и Орит, так звали хозяев виллы, оказались не только интеллигентными, но ещё и приятными людьми. Оказалось, что их родители приехали в Израиль ещё в прошлом веке из Литвы. На русском языке они не говорили, однако ивритское имя Зев переводится как волк, что созвучно русскому имени Володя. Именно поэтому, многие приехавшие из СССР Владимиры по приезду в Израиль, сменили своё имя на коротко звучащее Зев. После распития традиционного кофе, чтобы не мешать мужу перейти к сути дела, Орит увлекла Татьяну наверх показывать свои роскошные апартаменты. Интервью, которое длилось не более четверти часа, больше напоминало дружескую беседу, в которой один дружелюбно задавал интересующие его вопросы, а другой не спеша отвечал на них. Ознакомившись в заключении с документами Бориса, Зев осторожно подвёл итоговую черту своего интервьюирования, сказав:

– Судя по всему, вы подходите нам и я буду рад с вами сотрудничать. Однако прежде чем сказать, что вы приняты на работу, я должен представить вас нашему генеральному директору, такой у нас порядок.

Зев крепко пожал Борису руку, сообщив на прощание, что он ждёт его завтра в десять утра в Иерусалиме.

На следующее утро в назначенное время Борис приехал в Иерусалим в Земельное управление. Он догадывался, что это управление ведаёт всеми землями, принадлежащими государству, а также земельными участками, переданными во владение государства. По этой более чем веской причине управление земельными ресурсами являлось в системе государственного пози-

ционирования чуть ли не самой важной структурой. Когда Зев представлял Бориса директору управления, было заметно, что генеральный куда-то торопился по своим неотложным делам. Он мельком взглянул на Бориса и рассеяно протянул ему руку. Когда Зев сообщил ему, что он представляет кандидата на должность начальника геодезического отдела в их филиале в Беер Шеве, генеральный, вскользь просмотрев документы Бориса, коротко спросил:

– Ты проверил, Зев, господин Буткевич подходит нам.

Зев также коротко, почти по-военному, ответил:

– Я, наконец, нашёл специалиста, которого так долго искал.

Генеральный директор поставил свою подпись на какой-то бумаге, поданной ему Зевом, и, снова протянув Борису руку, радостно возвестил:

– Поздравляю! В добрый час! Можете завтра приступать к работе.

На следующий день Борис явился в Земельное управление в, уже родной ему, Беер-Шеве. Директор филиала уже был наслышан о новом работнике, репатрианте из Советского Союза. Он радушно встретил Бориса и вместо традиционного «Шалом» попытался сказать даже русское «Здравствуйте». Московские филологи вряд ли были бы в восторге от его семитского произношения, но важно было, что контакт между ними был налажен практически сразу. Директор препроводил Бориса к своему заместителю, который в течение нескольких часов вводил его в курс дела. После этого вводного курса Борис вышел на перекур с головной болью. Ну, никак он не мог ожидать, что геодезическая работа в отделе составит от силы 20 %, а остальные 80 % приходится на долю земельного кадастровой юриспруденции, которую он не знал, и которую надо будет познавать в процессе. Учитывая, что Земельный кодекс Израиля написан не на русском языке, а на иврите, это представлялось совсем нелёгкой задачей. Непонятно было только почему его, нового репатрианта, с начальным уровнем иврита рекомендовали на эту работу. В итоге Борис, как заправский экстрасенс, послал в свои мозговые извилины мысленную установку:

– Думай, доктор Буткевич, нужна ли тебе такая работа? Вопрос даже не в том, справишься ли ты? Если захочешь, ты осилишь всё, я в тебя верю. Дилемма в другом: нравится ли тебе такая работа, захочешь ли ты посвятить ей оставшуюся жизнь? Сможешь ли принять нелюбимую работу как постоянный атрибут своего бытия? Вот в чём вопрос, думай, хорошо думай, доктор Буткевич!

Принцип «всё или ничего» продолжал проявляться в повседневье Бориса применительно к своей первой части «всё сразу». Когда он вернулся из Земельного управления, дома его ждало письмо, из текста которого следовало, что завтра его ждут на интервью в Электрической компании в Тель-Авиве. Спортивный интерес Бориса к своему трудоустройству стал перерастать в нечто большее, в нечто похожее на необузданную страсть или ничем не подтверждённый азарт. Он даже подумал, что если ему случится когда-нибудь писать роман о своей абсорбции, то первая часть его будет называться «Поиск работы в Израиле», а вторая – «Работа в Израиле». Да и в этом нет ничего удивительного, ведь именно работа является неотъемлемым атрибутом в деятельности любого человека и занимает главную часть его жизни. И нет, наверное, большего счастья в жизни, исключая составляющую семьи и детей, когда работа является любимой. И нет большего блаженства и удовлетворения в жизни, если желание прийти на работу и с удовольствием проработать там положенное время совпадает с желанием вернуться домой к любимым жене и детям. Обо всём этом размышлял Борис, сидя за рулём своей белоснежки «Субару», по дороге в Тель-Авив, пока не подъехал к многоэтажному, из стекла и бетона, офисному зданию электрической компании.

Борис много слышал о национальной электрической компании Израиля, которая была создана ещё в 1923 году в подмандатной Палестине по прямому указанию Уинстона Черчилля, который тогда был министром колоний Великобритании. Основал её инженер Пётр Моисеевич Рутенберг, получивший образование в Петербургском технологическом институте. Сегодня

компания превратилась в одно из самых крупнейших промышленных предприятий Израиля, в монополию, которая производит, передаёт и распределяет практически всё электричество, используемое в стране. Именно поэтому ходили слухи о высоких зарплатах и привлекательных условиях работы в этом концерне.

Буквально через несколько минут Борису предоставлялась возможность проверить достоверность народной молвы. И вот он в роскошном кабинете начальника геодезического отдела компании. Высокий сухопарый мужчина средних лет сразу не понравился Борису. Он небрежно кивнул ему и, даже не пригласив его присесть на стоящее рядом кресло, попросил Бориса документы об образовании. Изучал он их не менее десяти минут, и всё это время доктор Буткевич стоял перед ним, как молодой новобранец перед выдавшим виды сержантом, который вот, вот начнёт муштровать его. Муштровать своего визитёра Пинхас (так звали начальника отдела), понятно, не стал, но характер задаваемых вопросов слегка насторожил Бориса. Прежде всего, он, протирая запотевшие очки, спросил:

– Скажите, Борис, есть ли у вас родственники, друзья или знакомые, которые работают в нашей организации?

– Мои родственники и друзья остались в стране, которая называется СССР, – отрывисто произнёс Борис, – и, поэтому, никоим образом не могут работать в вашей организации.

– Тогда, как вы сюда попали? – искренне удивился Пинхас.

Вместо ответа Борис вытащил из кармана помятую газету и показал ему, обведенное красной ручкой, объявление.

– Странно, – ещё раз удивился Пинхас, – как правило, мы не даём объявление в газеты, не знаю даже, откуда оно появилось.

– Простите, – начал раздражаться Борис, – но, похоже, это не мои проблемы. Возможно, это ошибочное объявление, тогда я, с вашего разрешения, покину ваш кабинет.

– Ну, что вы, что вы, – замямлил Пинхас, – нам нужен инженер-геодезист, просто меня не предупредили, что поиск будет вестись через газету.

Он снова уткнулся в документы Бориса, неизвестно что выискивая там. После продолжительной паузы, возникшей из-за долгого распития кофе, которым даже не удосужились угостить Бориса, Пинхас промолвил:

– А почему вы, Борис, имеющий десятки научных трудов, имеющий докторскую степень обращаетесь к нам, а не в академию.

– Да потому что в Израиле, к моему великому сожалению, – гневно отчеканил Борис, – слово «академия» просто не существует, а состав кафедры геодезии в Технионе насчитывает целых четыре преподавателя. Так что прикажете делать, господин начальник, с голода умирать?

– Да, это, правда, – незамедлительно согласился Пинхас, надменно посмотрев на Бориса, – у нас в стране существует проблема трудоустройства учёных.

– Что касается правды, то в ногах её точно нет, – процедил Борис сквозь зубы, удивляясь, как он сумел на иврите выстроить такую фразу, – я, с вашего разрешения, всё-таки присяду.

– Да, конечно, конечно, – смилостивился Пинхас, – но, всё-таки, мне хотелось бы узнать, как вы кабинетный учёный и аудиторный лектор собираетесь работать в полевых условиях, если мы примем вас на работу?

– Да будет вам известно, – чуть ли не выкрикнул Борис, – что до того, как стать учёным, я много лет проработал и в Заполярье, и в Сибири, и в горах Тянь-Шань и Памира в условиях, которые, слава богу, израильским геодезистам просто не снились.

– Я понял вас, Борис, – сухо кивнул головой Пинхас, – и разобрался в вашей трудовой биографии. В принципе вы подходите нам, но есть одно «но».

Борис, не ожидая услышать такой вердикт от Пинхаса, улыбаясь, проговорил:

– Если только одно, то это поправимо.

– Да, вообще-то не очень, – отрезал ему Пинхас, – в нашей замечательной компании есть одно правило: мы принимаем на работу людей до 35 лет. А вам, как я понял, Борис уже 44 года.

– Раз в вашей замечательной фирме не требуются люди с достаточным опытом работы, – разочарованно протянул Борис, – то разрешите откланяться, пойду искать работу в дом престарелых.

– Подождите, Борис, – изобразил что-то наподобие улыбки Пинхас, – дом престарелых подождёт, я ещё не всё сказал.

– Хотите ещё чем-нибудь особым порадовать нового репатрианта старческого возраста, – ожесточился вдруг Борис.

– Именно особым, – обрадовался Пинхас, – смотрите, Борис, я беру вас на работу, но с одним условием.

Борис выжидающе посмотрел на Пинхаса, мобилизовав своё эго выслушать его требования. Они оказались более чем простыми. Пинхас озвучил их на прощание в своей заключительной тираде:

– По документам, Борис, вы подходите нам даже больше, чем на 100 %. Но я не очень доверяю бумагам, надо проверить, кем вы являетесь воочию. Поэтому, я беру вас с годовым испытательным сроком. Если вы будете удовлетворять поставленным требованиям, то через год получаете статус постоянного работника. Если же нет, то, как говорят у нас в Израиле, идёте домой. Согласны?

– Я должен подумать, – медленно растягивая слова, проговорил Борис.

– Борис, вы меня не поняли, – нахмурился Пинхас, – когда предлагают высокооплачиваемую работу в такой элитной фирме, как у нас, тут же, не раздумывая, дают положительный ответ.

– Я, всё-таки, с вашего позволения, – заупрямился Борис, – хочу проанализировать нашу беседу и только потом дать либо положительный, как вы сказали, либо отрицательный, который вы не допускаете, ответ.

Пинхас поднялся из-за своего массивного письменного стола, всем своим видом показывая, что аудиенция закончена, и небрежно бросил на прощание:

– Ну, ну, доктор Буткевич! Несмотря на наше неполное взаимопонимание, всё-таки буду ждать вашего ответа, надеюсь положительного. Даю вам на ваш экспресс-анализ один день.

Когда Борис покинул кабинет валяжного чиновника и вышел в хорошо освещённый коридор, его кто-то окликнул:

– Борис! Подождите минуточку, я хочу с вами поговорить.

Перед ним стоял круглолицый с хорошо заметным брюшком небольшого роста мужчина.

– Меня зовут Авраам Бронштейн, – проговорил он на русском языке, – давайте пройдем в кафетерий, чтобы никто не помешал нашей беседе.

Удивлённый Борис последовал за ним, и через несколько минут они зашли в, поместившееся в кипарисной и пальмовой тени, уютное кафе. Когда молоденькая девчушка-официантка поставила перед ними дымящийся кофе эспрессо, Авраам без всяких предисловий сказал:

– Так получилось, Борис, что дверь кабинета моего шефа была приоткрыта, и я невольно подслушал всю вашу беседу.

Борис настороженно всматривался в доброжелательные глаза Авраама, ожидая продолжения.

– Понимаете, Борис, я, в отличие от вас, живу в Израиле уже 20 лет. Из, так сказать, Еврейской автономной области СССР переселился в еврейское государство Израиль в 1972 году. Мне повезло: почти сразу после приезда меня взяли на работу в Электрическую компанию. В те времена это было не так трудно, как сейчас.

Борис молчал, и, допивая свой кофе, с нетерпением ждал, что же Авраам скажет дальше. Как будто чувствуя это, бывший житель советского Биробиджана торопливо продолжил:

– Я хочу, чтобы вы поняли, Борис, что компания, в которой я работаю, действительно, элитарная и престижная. Все, кто находится вне стен этой организации, возмущаются, что её работники получают непомерно высокие зарплаты, завидуют необычно хорошим условиям труда, негодуют, что услуги за отопление и электричество в домах сотрудников бесплатные.

Авраам на мгновение остановился, как-то по-отечески глянул на Бориса и добавил:

– А ещё в нашей компании в дополнение к базовой зарплате и социальным условиям получают различные надбавки за стаж, за руководство, за усилия, за непропущенные рабочие дни, за ранний завтрак, за работу в смены, за неиспользование больничных и многое другое.

– Скажите, Авраам, – рассмеялся вдруг Борис, – вы рассказываете мне всё это для того, чтобы убедить меня идти на работу в вашу компанию.

– Извините, Борис, – перебил его Авраам, – как раз наоборот, несмотря на рай небесный, который я вам обрисовал, я хочу, чтобы вы тысячу раз подумали перед тем, как выйти на предложенную вами работу.

– В принципе, я так и сказал начальнику отдела, – оправдался Борис, – но над чем, собственно, я должен особо задуматься?

– Именно об этом, – обрадовался Авраам, – я и хочу вам рассказать.

Авраам поведал Борису, что именно в Электрической компании, как нигде в других местах, в небывалых масштабах процветает фавор, протекция и покровительство. Он говорил, что достаточно глянуть на список работников компании, чтобы увидеть там великое множество связей одних и тех же фамилий, свидетельствующих, что они принадлежат одной и той же семье. Понятно, что в 99 % из всех возможных случаев на работу в компанию устраиваются исключительно по знакомству.

– Так вот, уважаемый, Борис, – заключил Авраам, – на основании отмеченного, хочу сказать вам только одно: если у вас нет никакой другой работы, немедленно соглашайтесь и, дай вам, бог остаться у нас до самой пенсии.

– Что же делать, Авраам, – взволнованно спросил Борис, – если у меня имеются хорошие шансы попасть на другую работу?

– Собственно, поэтому, я и вызвал вас на этот разговор, – отозвался Авраам. – Просто я хочу, чтобы вы зарубили себе на носу, что даже если вы покажете себя с самой, что ни есть лучшей стороны, то это может не решить проблему в случае появления протекции кого-либо из начальства. В этом случае, через год вместо постоянства вам вручат письмо об увольнении. Вероятность этого события не так мала, как кажется непросвещённым. Вы показались мне симпатичным человеком, поэтому именно об этом я хотел вас предупредить, несмотря на то, что был бы рад, если бы нам пришлось работать в одном отделе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.